

2/У
«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 44

I—1957

«LE MESSENGER»

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Прот. Василий Зеньковский, К. А. Ельчанинов, И. В. Морозов,
Н. А. Струве (Франция). Прот. Александр Шмеман, М. Р.
Гизетти, О. Раевская (Америка).

№ 44

СОДЕРЖАНИЕ

I - 1957

Стр.

1. От Редакции. Наша ответственность	1
2. Слово в Великий Пяток — митр. Филарет Дроздов	2
3. Гимн малому добру — еп. Иоанн Сан-Францисский	4
4. Что такое крест? — прот. Алексей Князев	6
5. Дух мученичества на заре христианства — М. Лот-Боролина	11
6. Назначение человека в мире — Оливье Клеман	19
7. Завет — Н. Куломзин	26
8. Церковь в Советской России — Н. С.	31
9. Библиография:	36
а) Cullmann Oscar. Dieu et César — Н. Куломзин	36
б) Новые труды об Экуменическом Движении — П. К.	36
в) «Ключ» — издание Юношеского Отдела Р.С.Х.Д. — Кит Средиземный	38
г) Еще о журнале «Ключ» — З. К.	39
10. Хроника	39
а) От Редакции	39
б) Участие православных в экуменической жизни — Л. Зандер	40
в) Кончина Екатерины Ребиндер	46
г) Съезд Юношеского Отдела Р.С.Х.Д.	46
д) Съезд ответственных работников Р.С.Х.Д. во Франции	47
е) Детский журнал «Ключ»	47
ж) Весенний съезд Р.С.Х.Д.	48
з) Летний лагерь Р.С.Х.Д.	48

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Вестник Р.С.Х.Д. выходит 4 раза в год на 48 страницах. Подписная
плата на год — 500 фр. Цена отдельного номера — 150 фр.

4 № par an. Prix du № 150 fr.

Prix de l'abonnement annuel: 500 fr. Adresse de la Rédaction:
Rédaction du «Messager», 91, rue Olivier de Serres, Paris 15e (France).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Редакция поздравляет всех своих сотрудников, читателей и друзей с светлым праздником Воскресения Христова.

НАША ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Во дни Великого Поста Церковь зовет нас к покаянию, к тому, чтобы мы пересмотрели всю нашу жизнь, мужественно признали свой грех, свои ошибки. Мы должны пересмотреть все, за что мы были ответственны... Но при этом нельзя не призадуматься над тем, за что, собственно, мы ответственны? Обычно мы не считаем себя ответственными за то, что не зависит от нас; лишь то, что находится в пределах наших возможностей, входит в обычном сознании в нашу ответственность. Но так ли это? На нашей русской трагедии мы убеждаемся в том, что мы несем ответственность и за то, что прямым образом не зависело от нас. Мы должны с полной ясностью сознать, что мы ответственны за историю, хотя, в прямом смысле слова, ход ее и не зависит от нас. Мы приходим в мир в определенную историческую эпоху, — и ее бремя, ее задачи, ее правда и неправда, все это связано с нами. Никуда от этого мы не можем укрыться, — и то, с чем мы были связаны только косвенными связями, все равно ложится на нашу совесть. Каждый из нас, в меру своих сил, должен включиться в историю, чтобы содействовать в ней добру и бороться с неправдой.

Наша ответственность шире, чем нам кажется, чем нам этого хочется. Мы связаны с историей, с ее темами и задачами. Не будем же отрекаться от этого и поймем, что мы связаны с нашей эпохой не только через наши «интересы», идеи и симпатии, а прежде всего через нашу ответственность за все, что происходит — через нашу совесть.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4006698/к/к

СЛОВО В ВЕЛИКИЙ ПЯТОК

Митр. Филарет Дроздов

... Кто распинает Сына Божия? Воины? — Они суть почти столько же страдательные орудия, как крест и гвозди. Пилат? — Он, кажется, истощил все усилия в защищении Праведника и торжественно изъявил свое несогласие на пролитие крови Его: «взял воды и умыл руки перед народом и сказал: не виновен я в крови Праведника Сего (Матф. 27, 24). Народ? — Как мог он искать смерти Того, Которого старался воцарить? Первосвященники? Старейшины? Фарисеи? — Они признаются, что не имеют власти ни над чьей жизнью: «нам не позволено предавать смерти никого» (Иоан. 28, 31). Предатель? — Он уже свидетельствовал во храме, что «предал кровь неповинную» (Матф. 27, 4). Князь тьмы? — Он не мог коснуться и жизни Иова: ныне же сам осуждается и изгоняется. Но кто лучше, как Распятый, может знать распинателей? И что же говорит Он? — «...не знают, что делают» (Лк. 23, 34). Коснулся было истинной причины дела этого Каиафа, сказав, что «лучше нам, чтобы один человек умер за людей», однако и «это же он сказал не от себя, но будучи на тот год первосвященником»; он прозвучал, как кимвал, которому на тот день надлежало благовестить для церкви, но и сам же не уразумел своего благовестия. Таким образом то, чего не хотели, не могли, не знали, перед целым светом совершилось теми самыми, которые не хотели, не могли, не знали.

Впрочем это не означает того, чтоб и не было виновных в убийстве Невинного! Нет! Кто не мог, если бы только захотел, уразуметь то, что уразумел даже отчаянный Иуда? Но «если бы познали, то не распяли Господа славы» (1 Кор. 2, 8). Нам должно приметить здесь то, какую ничтожную паутину составляло все сплетение видимых причин, производших великое Голгофское событие. Как же эта паутина в первых нитях своих не расторглась или от дуновения гнева Божия, или даже от ветра суеты человеческой?..

... Не вражда земная уязвляет любовь небесную, — небесная любовь скрывается во вражду земную, чтобы смертью любви убить вражду и распространить свет и жизнь любви сквозь тьму и сень смертную. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ио. 3, 16).

Кажется, мы, и проникая в тайну распятия, и усматривая в страданиях Сына Божия волю Отца Его, более ощущаем ужас Его правосудия, нежели сладость любви Его. Но это должно уверять

нас не в отсутствии самой любви, а только в недостатке нашей готовности к принятию ее внушений... .. Бог есть Любовь по существу и самое существо любви. Все Его свойства суть облачения любви; все действия — выражения любви.

... Но если Отец небесный из любви к миру предаёт едиnorodного Сына Своего, то равно и Сын из любви к миру предаёт Себя Самого: и как любовь распинает, так любовь же и распинается... Любовь к Богу ревнует по Боге, — любовь к человеку милует человека. Любовь к Богу требует, чтобы соблюден был закон правды Божией, — любовь к человеку не оставляет и нарушителя закона погибать в неправде своей. Любовь к Богу стремится поразить врага Божия, — любовь к человеку вочеловечивает Божество, дабы посредством любви к Богу обожить человечество и, между тем, как любовь к Богу «возносит от земли Сына человеческого» (Ио. 12, 32 и 34), любовь к человеку разверзает объятия Сына Божия к земнородным, эти противоположные стремления любви соприкасаются, сорастворяются, уравниваются и слагают из себя то дивное средокрестие, в котором прощающая **милость** и судящая истина встречаются, правда Божества и мир человечества лобызаются, небесная истина воспевает от земли и правда уже не грозным оком приникает с небес; Господь даёт благо земле, и земля даёт плод свой небу (см. Пс. 84, 11-13).

... Впрочем вспомним, что если мы не по имени только христиане, но или есмы, или хотя желаем быть истинными последователями Иисуса Христа, то имеем и свой крест по его заповеди: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Поскольку же наш крест должен быть подобием Креста Христова, то не отрадно ли теперь помыслить, что и наш крест должен состоять из единой любви?.. Да принесет ныне каждый из нас малый крест свой и приложит к великому Кресту Христову, чтобы видеть подобен ли он своему первообразу: ибо мы должны знать, что всякий крест не подобный Кресту Христову, не вознесет нас от земли, но падет и с нами и обрушится под нами в огонь геенны. Итак, возрём еще раз на крест Господень. Се любовь Отца небесного распинает за нас едиnorodного Сына Своего, — как сообразуется сему наша любовь? Совершаем ли мы дело Авраама, в возношение на жертвенник любви Божией всего нами любимого, без колебания, без остатка собственности, паче упования? Се любовь Сына Божия сама предаёт себя на распятие, не только святейшей руке Отца Своего, но и рукам грешников: научила ли любовь и нас неограниченной сей преданности судьбам Божиим, с которою бы мы как Исаак, всегда были готовы быть жертвою — для славы ли Бо-

жией, для собственного ли очищения, для блага ли ближних?.. Умеет ли и наша любовь побеждать злое благим, благословлять кланущих, молиться за распинающих и не знать ни одного врага во всем мире, хотя бы он не давал нам ни одного друга? Здесь должна продолжаться беседа — совесть каждого, которая и возвестит нам, ныне или когда-нибудь, либо горе ожидающее врагов креста, или победу, мир и славу его любящих...

ГИМН МАЛОМУ ДОБРУ

К дикой яблоне не надо прививать целого ствола доброй яблони. Достаточно взять малый черенок и привить его к одной из ветвей дичка. И, чтобы всквасить квашню с тестом, совсем не надо смешивать ее с целой квашней дрожжей. Достаточно положить совсем немного дрожжей, и — тесто вскиснет. Так и в добре. Самое маленькое добро может породить большое благо. Вот отчего не надо пренебрегать мелочами в добре и говорить себе: — «Большого добра не могу сделать, — не буду заботиться ни о каком добре».

Сколько даже самое малое добро полезно для человека, можно видеть из того, что даже самое малое зло чрезвычайно вредно. Попала соринка в глаз и глаз уже ничего не видит, слезит, и другим глазом смотреть тогда трудно; и даже думать о чем-либо затруднительно. Так и малое зло, попав, как соринка, в глаз души, выводит человека из строя настоящей жизни. Как будто пустяк: вынуть себе или другому человеку соринку из глаза, — но это и есть то добро, без которого нельзя жить.

Поистине, малое добро даже более необходимо человечеству, чем большое. Без большого проживут люди; без малого не проживут. Гибнет человечество не от недостатка большого добра, а от недостатка малого. Большое добро есть лишь крыша, возведенная на кирпичках малого добра.

Малое, легкое добро оставил на земле Творец для человека, взяв все великое на Себя. И, кто творит это малое, чрез того Сам Творец творит великое. Ибо Господь наш из ничего создавший все, тем более из малого может сотворить великое.

Но, как даже самому малому движению вверх противостоит стихия воздуха и земли, так всякому малому добру противостоит косность человеческая. Эту косность Евангелие выявило в совсем краткой притче: «никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого; ибо говорит: старое лучше» (Лк. V, 39).

Вот это убеждение, что старое, известное и привычное состояние всегда лучше нового, неизвестного, присуще всякому непросветленному человеку. И только люди начавшие духовно прозревать и возрастать, вступившие на путь алкания и жажды Правды Христовой, перестают жалеть свою косность и недвижность своих, жизнию нагретых, гнезд. Трудно человечество отрывается от привычного! Этим оно себя, отчасти, может быть, сохраняет от необузданной дерзости зла, и устойчивость ног в болоте иногда мешает человечеству броситься головой в бездну, — но сколь более часто это стояние в болоте мешает человеку взойти на гору боговедения или хотя бы выйти на крепкую землю послушания Слову Божьему.

Через малое, легкое добро человек легче всего прививается к добру, начинает ему служить от всего сердца, т. е. именно так, как только и можно служить истинному добру; и чрез это все более **входить в атмосферу добра**. Корни жизни человеческой легко входят в почву добра и уже вскоре не могут без нее жить... Так спасается человек; так от малого он идет к великому и «верный в малом» оказывается «верным в великом».

Оттого можно петь гимн не только большому добру, но и малому добру. И не только никого не упрекать, что все заняты в добре лишь мелочами и не стремятся к великому самопожертвованию, но — просить всех **быть хотя бы в малом верным добру**. Добро есть атмосфера невидимого Света. Чрез светлое чувство и дело, Свет делается видимым. Добро есть выявление в мире лучей Царства Божьего, лучей живящих, согревающих души людей.

Мелочь, как будто, — не гневаться по мелочам на «брата своего напрасно» (Мф. V, 22); небольшое дело — не говорить, в ежедневном обиходе, неправды ближнему своему, — мелочь, но попробуйте исполнить эту мелочь, попытайтесь осуществить ее...

Оставим в стороне рассуждения, позволительно или не позволительно убивать миллионы людей, женщин, детей и стариков, — попробуем свое нравственное чувство проявить в пустяке: не уьем ни разу личности нашего ближнего, ни словом, ни намеком, ни жестом. Добро есть и удержание себя от зла... И тут, в мелочах, мы легко, незаметно для себя, можем сделать многое!

Трудно встать ночью на молитву... Но не трудно вникнуть утром в слова краткой молитвы дома или — хотя бы — в пути, к месту своей службы, — вникнуть свободной от житейских забот мыслью, в «Отче наш», — отозваться сердцем на слова этой чудесной молитвы... И не трудно на ночь перекреститься, предав свою жизнь и весь мир в Руки Небесного Отца. Это — совсем легко... Почему бы этого не сделать? Сделаем!

Дивный путь малых дел, пою тебе гимн! Окружайте, опоясывайте себя, люди, малыми делами добра — цепью малых, простых, легких, ничего вам не стоящих, но очень дорогих для вас, для окружающих, и для всего человечества, добрых чувств, дел, светлых мыслей и молитвенных устремлений, надежды и веры. Оставим большое и трудное, оно для тех, кто любит его. А для нас, еще не полюбивших большого, — Господь Милостию Своею приготовил, разлил всюду, как воду и воздух, малую любовь. Эта малая, но непрестанная любовь есть неугасимая лампада Богу в храме души. Она есть тихое дыхание человеческое, без которого у человека нет жизни.

Еп. Иоанн Сан-Францисский.

ЧТО ТАКОЕ КРЕСТ?

Крестная тайна — основная истина христианской веры. Своим распятием на кресте воплотившийся Сын Божий совершил искупление рода человеческого; несением своего личного креста определяется для каждого уверовавшего во Христа его жизнь, как христианина.

«Кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мной» (Мр. 8, 24). Этими словами Спаситель устанавливает неразрывную связь между крестом и званием христианина. Только тот может считать себя учеником Христовым, кто возьмет и понесет свой крест вслед за Ним. Иными словами крестный путь есть неизбежный и единственный путь всякого христианина. Св. апостол Павел развивает ту же мысль, когда говорит: «Слово крестное для погибающих есть юродство, а для нас спасаемых сила Божия» (1 Кор. 1, 18). Наличие или отсутствие у нас способности видеть смысл креста, и, главное, соглашаться с ним, есть наивернейший показатель нашей принадлежности либо к числу спасаемых, либо к числу погибающих. Этим еще раз подчеркивается вся необходимость для каждого христианина иметь правильное представление о том, что составляет крест.

Крест, о котором говорит ап. Павел, есть, в первую очередь, Голгофский крест: не только страдания, смерть и прославление Спасителя, но и самое орудие нашего спасения. Крестное древо оказалось освященным пролитием на нем животворящей кровью Господа и сделалось причастным победе, одержанной на нем над тлением, грехом и смертью. Оно сделалось для Церкви орудием славы, почему и самое его начертание оказалось исполненным чудотворной силы.

Так, с самых первых времен христианства крестом, как знаменем Сына Человеческого (Мф. 24, 30), совершаются все благословения, все освящения, все тайнодействия.

Но наряду с крестом, понесенным Господом ради спасения рода человеческого, Апостол имеет в виду и личный крест каждого христианина. Особенно понятие личного креста вызывает больше всего недоумений в обывательской среде. Когда говорят о кресте, человек думает, прежде всего, об ожидающих его скорбях, лишениях, болезнях и утратах и, если даже он и готов преклониться пред ними, как перед испытаниями ниспосланными Богом, то далеко не всегда умом своим и сердцем он видит для себя их внутреннюю необходимость. Но не только в одном перенесении скорбей заключается крест христианина. Через него, как и через крест Христов, также познается сила Божия. Иными словами, наш личный крест есть благодатная действительность.

Конечно, тесными вратами и узким путем надлежит нам искать входа в Царствие Божие (Мф. 12). Но, что должны мы подразумевать под этими «тесными вратами» и «узким путем»? Как это вытекает из слов самого Спасителя, здесь надо иметь в виду стоящую перед каждым последователем Христовым необходимость постоянного выбора между Христом и всем тем, что оказывается с ним несовместимым. Действительно, Христос Сам говорит, что не мир пришел Он принести, но меч (Мф. X, 34). И в самом деле Он произвел и постоянно производит в мире великое разделение, которое сказывается не только в том, что человек может, если этого потребует от него необходимость исповедничества, быть разделенным с самыми дорогими для него существами (Мф. X. 35-37), но, главным образом, в том, что он оказывается непрестанно разделенным в самом себе. Меч, принесенный Христом, проходит через сердце человека и рассекает самое его существо. Это происходит от того, что, хотя уже совершилось спасение человека, но спасен пока он в надежде (Рим. 8, 24) и потому, что ему еще предстоит освоить в своей свободе плоды спасительного подвига Христа.

Мы, до времени, пребываем в мире еще не до конца просветленном, подчиненном еще закону греха и тлению. Более того, мы этот мир продолжаем носить в самих себе. Хотя мы и стараемся жить по законам Христа, но все же мы продолжаем испытывать на себе власть греха, препятствующую нам порвать со всем тем, что делает нас рабами мира, лишая нас внутренней свободы. Конечно, христианин знает и верит, что ему обещано благодатное избавление от этого рабства, но в своей человечности он не может не испытывать этого разделения. Разделение это, порою очень

мучительное, захватывает самые тайники сердца и заставляет человека вступить в непрерывное противоборство с самим собою. Именно готовность постоянно знать это мучительное раздвоение и вести борьбу с собой ради верности Богу и полной самоотдачи Его Сыну являются определяющими моментами в личном кресте каждого христианина. Только при таком понимании креста, слова Спасителя «отвергнись себя и возьми крест свой» получают весь свой смысл.

Кроме того, Христос призывает каждого взять и нести свой крест и притом нести его постоянно. Этот призыв не позволяет усматривать сущность личного креста в особенностях внешней судьбы отдельного христианина. Судьбы человеческие различны. Биографии иных людей действительно складываются как непрерывный путь скорбей и утрат, тогда как жизнь других протекает без особых потрясений. Значит ли это, что Бог, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (I Тим. 2, 4), не каждому человеку посылает спасающий его крест? Кроме того, в жизни самых великих страдальцев бывали минуты свободные от скорбей. Значило ли это, что в эти минуты они не несли креста? Один из современных нам учителей религиозной жизни*) справедливо обращает наше внимание на то, что некоторые древние латинские евангельские рукописи в тексте «возьми крест свой и следуй за Мной» содержат слово *quotidie* свидетельствующее о необходимости для всякого верующего **ежедневного** несения своего креста: *et tolle crucem suam quotidie et sequatur me*. Эта истина о ежедневном несении креста может быть понятна только если крест есть прежде всего постоянная внутренняя борьба христианина со своей греховностью ради непрестанного предоставления себя в полное послушание Христу. И так как каждый человек греховен и, притом, **греховен по-своему**, то становится совершенно понятным, что у каждого из нас, действительно, **свой** крест. «Всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» (Рим. 12, 32). Эти слова Апостола языков означают, что Бог попускает каждого носить в себе те или иные греховные страсти, дабы в крестной борьбе за освобождение от них он встретился бы со Христом, как со своим личным и единственным Спасителем.

Конечно, нельзя отрицать, что и посылаемые нам страдания тоже составляют наш крест. Но они не являются его первичным или изначальным, но вторичным, привходящим моментом. Они нам посылаются, как испытания нашего постоянства в борьбе с грехом

*) Свящ. А. Ельчанинов. Записи, стр. 28 (изд. 2-е).

и нашей верности Христу. Поэтому, чтобы скорби оказались бы для нас спасающим нас крестом, им всегда должна предшествовать в нашем сердце решимость претерпеть от Бога все, что Ему угодно будет нам послать, чтобы испытать нас в нашем послушании и нашем доверии к Нему. В этом отношении существует полная аналогия между нашим крестом и крестом Сына Божия. Как сказал о Нем ап. Павел, Христос уничижил Себя Самого, смирил Себя, быв послушлив даже до смерти, и смерти крестной (Фил. 2, 7-8). Этим предельным послушанием Богу Он и одержал победу над грехом мира и над его последствием, т. е. смертью. Вслед за Ним неся наш крест, мы так же часто призываемся Богом явить Ему нашу верность вопреки тяготящим нас скорбям и страданиям. Такое послушание Богу для нас, конечно, сопровождается усиленной борьбой с нашей гордостью и греховным себялюбием. Эта борьба и составляет сущность того креста, который мы должны решиться взять и понести. Все же остальное составляет наш крестный путь. Для человека мира сего борьба с самим собой гораздо труднее, чем смирение перед скорбями.

Человеком мира сего является всякий, кто желает жить только по естеству и не считает нужным затруднять себя вопросом о том, насколько это закономерно с точки зрения высшей правды о человеке. Он противится всякому напоминанию о грехе и о том, что надлежит вести с ним борьбу, так как борьба эта непременно должна сказаться для него, как борьба с самим собой. Слово о ее спасительности и, в связи с ней, о спасительности посылаемых Богом испытаний, всегда ему представится, как бессмыслица, как юродство. Так настроенный человек еще не родился для христианской жизни, он закрыт для воздействия спасающей благодати. Его она коснется, лишь только, если он обратится. Обращение же, по гречески—«метания», непременно должно выразиться как перемена образа мыслей. Эта перемена должна прежде всего сказаться в отношении человека к истине о кресте. Вот почему можно утверждать, что обращение всегда проходит через крест.

Но крест не есть только орудие, через которое обличается безумие мудрости мира сего. Он есть также орудие познания силы Божией. И потому, как через крест Сына Божия воссияла для мира неумиряющая жизнь, так и наш человеческий крест всегда открывает нам доступ к иной, трансцендентной для нас, благодатной области. Крест Христов имел две стороны, неразрывно связанные одна с другой, одна другую обуславливающие: уничижение и славу (Фил. 5, 10). Подобным же образом и наш личный крест должен складываться из этих двух сторон. Первая определяется как отвержение себя, ради предельной верности Христу,

вторая — как благодать, отменяющая для нас закономерность мира в его падшем состоянии и, в этом смысле, прославляющая нас. И потому мы можем утверждать, что, когда Христос зовет нас взять крест и следовать за Ним, Он всегда нам предлагает следовать за Ним в ту славу, в которую Он сам вошел через Свой крест. Как крест Христов, так и наш крест есть орудие смерти, как смерти для греха (Гал. 6, 14), и орудие Воскресения, как воскресения и новой жизни, свободной от греха и тления. Как для Христа, так и для нас Пасха крестная неотделима от Пасхи воскресной. Потому крест есть не только благодатная действительность, но и самая суть нашей жизни во Христе.

Конечно, слава крестная проявится для взявших крест тогда, когда, по воскресении из мертвых, они воссияют, как солнце в Царстве Отца (Мф. 13, 43). Слава эта имеет бесчисленные проявления и в этой жизни. В этом получает свое исполнение знаменательное обетование Христово, заключающее Его речь о необходимости для каждого верного взятия и несения своего креста (Мр. 8, 33-38): «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мр. 9, 1). К этой славе надо относить, прежде всего, всякое благодатное воздействие, подаваемое нам в ответ на наши усилия ежедневного несения нашего креста, дарующее нам свободу от наших греховных страстей. Сюда относятся также всякое претворение в радость наших горестей и печалей. Сюда входят, наконец, все чудеса и, в частности, чудо благодатного приобщения Господом праведников к своему искупительному крестному подвигу.

Не надо никогда уподобляться друзьям Иова и измерять тяжесть креста того или другого человека тяжестью совершенных им грехов. Свящ. Писание и опыт Церкви показывают нам, какие тяжкие страдания посылались иногда истинным праведникам. Но часто эти страдания посылались им не ради их самих, а ради других. Подобно крестным страданиям Господа, такие страдания приводили к очищению от греха других людей или к облегчению выпавших на их долю скорбей. Эта истина открылась некогда ветхозаветному пророку, нарисовавшему нам образ Раба Господня, мучимого за грехи, совершенные другими, ради их искупления (Ис. 53). Она была хорошо известна и ап. Павлу, что видно из слов его к Коринфянам, написанных среди непрестанно претерпеваемых им скорбей и преследований: «мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (II Кор. 4, 11-12). Эта истина сохраняет свою силу на все

времена. Она может быть и для нас источником утешения, надежды и силы. Аминь.

Прот. А. Князев.

«ДУХ МУЧЕНИЧЕСТВА НА ЗАРЕ ХРИСТИАНСТВА»

(Окончание)

«Да ядите и пиете за Трапезою моею в Царстве моем» (Лк. XXII. 30).

Перед нами встает теперь чрезвычайно значительный вопрос, к которому необходимо подойти вплотную: как было возможно не просто мужество или неустрашимость, доступные стоикам, а восторженное принятие страшных истязаний у христианских мучеников? И далее: в каком смысле надо понимать ту сверхнатуральную силу «ликования», которая поражала всех очевидцев мученического подвига? Выражаясь еще точнее: что здесь принадлежит естеству и что особой благодати? Древние постоянно настаивают на личном соучастии Христа в подвиге его атлетов. Но что именно здесь означает присутствие самого Спасителя? На эти вопрошания современные исследователи, пользуясь известными указаниями христианских историков и собственной интуицией, проникли в самую глубь всех поражающего, единственного в своем роде, явления. Теперь нам совершенно ясно одно: мученики явно ликующие, а их было очень большое число, несомненно уже переступили за грань естества. Другими словами они находились в состоянии экстатического исступления, выхода из себя, подобного тому «восхищению», в котором ап. Павел был, по собственному признанию, вознесен до рая, третьего неба, где он слышал «неизреченные глаголы». У свидетелей — друзей Христа все чувственное, все ощущаемое отпадает со вторжением в их души и овладением всем их существом божественного Эроса: страх смерти исчезает в пламени испепеляющей Любви к Единому и конечном соединении с Ним. На языке христианской восточной мистики такое слияние называется *anagstasis*. Жажда и явление такого единения воспеваются в церковных хвалениях. Пылая этим нездешним огнем, свидетели Христа живут уже вне плотской стихии.

Пафос ликующего страдания совпадает здесь с классическим определением экстаза, как мгновенного перерыва естественного бытия, выходящего из себя в созерцании божественной реальности. Так выражается Григорий Нисский, самый «спиритуальный» из

Каппадокийцев, которому принадлежит нами приведенное определение; он прямо ссылается на пример первомученика Стефана и так диалектически развивает свою мысль: «По Писанию никто не может видеть Бога; следовательно, зревший отверстое небо Стефан, мог удостоиться своего видения только потому, что, как сказано в *Деяниях*, он был исполнен Духа Святого, т. е. был обожен».

Вот ключ к разгадке истинной природы того состояния, совершенно оторванного от земной действительности, в котором находились избранные духовные герои *Acta martyrum*. В сакральном свете этого исключительного явления становится ясным, что мученики в своем кровавом крещении пережили личную Пятидесятницу, как бы уподобились апостолам Сионской Горницы. Как и они, те мученики «не напились сладкого вина», но были исполнены благодатью Духа, освящающего и преображающего все тварное, т. е. все тленное... Им эта харизма подана была для всенародного исповедания той духовной Страсти, которою они были в буквальном смысле слова одержимы. Добавим, что весь этот духовно-сакральный комплекс неразрывно связан с мистикой Креста и жертвенной крови, мистикой ярко выступающей в творениях многих восточных Отцов: одновременно у св. Григория Нисского и у такого чистого мистика-литургиста, как св. Кирилла Иерусалимского. Для *κοινωνιας Christi*, его сподвижников в подвиге распятия и изначальном пафосе любви до смерти, *catharsis* был завершен в вольном приятии креста. Оно одно дало им высшее экзистенциальное знание в форме того **блаженно-го экстаза**, который знаменует для смертных незримый переход к пакибытию.

Вселенские учителя (особенно Ориген и Максим Исповедник, сами коснувшиеся мученического венца) признают здесь объединяющее сочетание двух начал: пассивного (патетического) приятия свыше полученной харизмы Сына, всегда действующего через Духа, Им посылаемого, и, с другой стороны, персонально-активного элемента человеческой воли, всегда свободной в решающем выборе нашего изволения. По сильному выражению Максима Исповедника, мы имеем два крыла: «благодать и свободу». В отношении к христианскому мученику эта истина патристического умозрения — так называемый синергизм — вполне применима. Однако, ударение должно быть поставлено на первичном согласии самого человека на Крест; лишь только так не умаляется величие мученического сознательного подвига, нечувствия крестной скорби в экстазе «восхищенной» Любви — и весь он, этот подвиг, озаряется блистанием дарованной ему харизмы.

В подтверждение выше сказанного и в его оправдание, мы

перейдем теперь к наиболее рельефным и конкретным примерам «свидетельства», исторически нам известного. Эти примеры представлены нам в живом разнообразии отдельных индивидуумов, в личном опыте каждого из них. Внимательно вглядываясь в них, мы видим и то, что принадлежит лицу, и то, что составляет типологическое единство общего фона, на котором выступают эти лица. Среди них нет различия «между эллином и иудеем, мужчиной или женщиной ибо во всех один Христос».

В мистическом плане есть вожденная встреча с любимым, исключительно любимым, с тем тайным огнем, «который Он сам принес и бросил на землю», дабы пламя разгорелось в плотных сердцах. Это неугасимое пламя мы лицезрим у молодого архидиакона, грека Стефана, которого вышеупомянутый Нисский святитель назвал «первым созерцателем невидимого Бога». Церковь прекрасно именует его «верховник мученического собора». Не он ли будучи сам исполнен Духа Святого, предуготовил Павлово видение близ Дамаска? Когда Стефан зрит в отверстом небе Сына во славе, одесную Отца, то он уже вышел из себя (*excessus mentis*), и побиваемый камнями, молясь за палачей своих, умирает в экстазе неземной Любви, и, тем самым, указывает кратчайший путь и блаженству вечной жизни во Христе Иисусе¹). И тянется за ним длинная, светлая вереница избранных — свидетелей.

За пылким юношей, возвестителем Любви, которая сильнее смерти, выступают на первом плане перед нами две величавые церковные фигуры: Поликарп, епископ Смирнский, по Преданию знавший лично самого Иоанна Богослова, быть может ученик его, и предпоследний из апостольских Отцов, Игнатий Антиохийский (последний: Иринеи Лионский), связанный тесными узами со св. Поликарпом, прозванный на Востоке Богоносцем. Оба они, власть имущие пастыри и святители, жили для пасомого стада; оба втайне воздыхали по вожденному отечеству²).

Глубокий старец Поликарп, житие которого его летописцы считают подлинным подражанием божественному образцу, в дни гонений, по настойчивой просьбе своей паствы, сперва удаляется, но затем вдруг, побуждаемый тайным рвением, жадной исповедничества, престарелый епископ отдает себя сам в руки пре-

1) «В **Слове о св. Стефане**, которое представляет из себя настоящий трактат о видении Бога, как мистической реальности». Ум (*nous*) первомученика, как бы одержим Духом Святым и созерцает лучи божественной Славы, как таковой, просветленно-чистыми очами. (Диссерт. о. Daniélou «**Platonisme et théologie mystique**», стр. 282-3).

2) В «**Sources Chrétiennes**» вышли письма св. Игнатия Богоносца и житие св. Поликарпа (из **Церковной Истории** Евсевия Кесарийского).

следователей. В высокой степени показательны и это непобедимое томление по Кресту и подготовка к нему (видение огня, как знамения того, какой смертью он должен погибнуть), а, в особенности, предсмертное молитвенное обращение Поликарпа к Отцу (Theos Pantocrator). Осужденный на костер, он благодарит Всевышнего за то, что Тот счел его «достойным в сей день и час присоединиться к сонму свидетелей, приобщиться Христовой жизни для вечной жизни души в нетлении Св. Духа».

Еще более потрясающе «теопатическое» мученичество Игнатия Богоносца, подготовка к которому мы имеем в его подлинных письмах, — быть может самым замечательным памятником всей этой житийной литературы. Великий святой описывает сначала, как мученики показали нам, что «в муках своих они уже не принадлежат себе, что Сам Господь беседует с ними». Это и есть истинная *Christou charis*. Но вот, что мы читаем в знаменитом письме к римлянам, уже заключенного в темницу св. Игнатия, в котором он умоляет их не противиться его заключению: «Я хочу только того божественного Хлеба, который есть плоть Иисуса Христа, и, как пития, я жажду Его Крови — Любви нетленной... Братья, я прошу вас об одном: не препятствуйте мне жить, не прельщайте меня ничем вещественным — дайте мне приять Свет истинный, дайте мне последовать Страстям Господа моего! Ибо распято мое земное вожеление (Эрос) и нет во мне больше привязанности к чувственному — одна живая вода, журчащая: Иди к Отцу». И далее: «Римляне, я прошу вас об одном: дайте мне принести в жертву Богу мою кровь, — да соделаюсь я пшеницей, измолотой зубами хищных зверей, дабы стать пречистым телом Христовым». Невозможно идти дальше в томлении распятой Любви, в жажде соединения с Возлюбленным, всецело овладевшим существом своего последователя и его преобразившим. Ту же самую неутолимую жажду крестной смерти мы видим во многих других «свидетелях» и ее смутно чувствуют сами язычники, столь жадные к зрелищу этих кровавых игр.

Пред нами один за другим проходят женские мученические образы... Среди них первомученица Галлии (Лионский Мартиролог 177 года), чистая, нежная девушка, Бландина. Евсевий Кесарийский повествует с нескрываемым изумлением о том, как Бландина, только что присутствовавшая в амфитеатре на мученической смерти своих собратьев, спешит за ними, летит исполненная восторга, «как бы званная на свадебный пир, а не на истязание». Разъяренный бык подбрасывает еще и еще свою уже истекающую кровью жертву, но она не чувствует ничего, в едином стремлении к небесному Жениху. Также переживают свою

пассию Перпетуя и Фелицитата. Обе они, «недомученные», были вынесены через дверь живых и предстали перед взорами взволнованной толпы. Перпетуя, как пишет ее агиограф, «казалось, пробудилась от глубокого сна, ибо была вознесена Св. Духом. Она осмотрелась и все присутствующие с изумлением услышали, как она спросила: «Когда же мы будем брошены в пасть дикого зверя?» Здесь разрыв «восхищенной» души со ставшим ей чуждым телом, до наглядности очевиден.

Сам автор этих *Acta martyrum* открыто признает, что *martyrum Christi extra corporem fuerunt*. То же самое относится несомненно и к мученичеству св. Карпа, о котором мы читаем следующее: «Мученик был прикован к столбу и некоторые, близко к нему подошедшие, увидели, что он улыбается. На их недоумевающий вопрос Карп отвечает: «Я видел Славу Господа и был осчастливлен, отныне я освобожден от всех вами несомых тягостей». (Stolz «Théologie de la Mystique» p. 235).

Совершенно несомненно, что такой *excessus mentis* является харизматическим состоянием плотского человека — благодатным даром, как высшей наградой Того, Кто Сам испил до дна в полном сознании Чашу агонии. В благодарность за вольную Страсть, как высшее проявление каритативной милости, Спаситель соединяется Духом Святым со своими близкими в тайне брачной койнонии и возносит их «на вершину созерцания вещей невидимых и вечных» (Слово св. папы Григория Великого).

Вся христианская, и особенно восточная, иконография образно свидетельствует о сверхчувственном «обоженном» состоянии прославленных в единый миг Христовых мучеников. На византийских мозаиках и фресках сияют нам навстречу эти боговдохновенные лики, предстоят уже преображенные тела их³⁾. Древнейшая православная Традиция, теологически оправданная, изображает мучеников в состоянии абсолютного покоя (*apatheia*), как символ оторванности от всех земных чувствований. Мученик словно застыл в иератической неподвижной позе, большей частью с воздетыми или согнутыми в локтях руками, без всяких внешних знаков крестного подвига, в молитвенном экстазе⁴⁾. Пасха Крестная

3) Об этом повествуют нам замечательные восточные апокрифы: возврат в Земной Рай в тесной связи с искупительным подвигом Христа. Для отцов он символизирует восстановление изначального состояния прародителей.

4) *En Orient s'installait la figuration du martyr dans l'isolement de son séjour paradisiaque, sans accessoires individuels, bannis parce qu'ils déshonoraient le Saint en rappelant trop sa vie terrestre (Jean Damascène). Cf. A. Grabar. Martyrum, V, II, 85.* Здесь проведена тон-

Мученик уже превзошел все земное и стоит перед нашими очами «как житель вожделенного рая». Бесстрастное видение того родного края, где «несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»... Зрак прославленного мученика являет чистый образец достигнутого во Христе единения. Как бы остановившийся взор огромных глаз с расширенными зрачками (принадлежащий исключительно типу восточной иконографии) созерцает лишь то, что зримо одному бесплотному оку. Профессор Грабарь, от которого мы целиком заимствуем эти основные особенности мученических ликов, открыто признает в них наличие Св. Духа, сошедшего на христианских мучеников и соделавшего их еще при жизни бесчувственными к страданиям и равнодушными к смерти⁵). Добавим от себя, что единственным стимулом такого перерождения человеческого естества является агапа, Христианский Эрос, как сила совершения воистину уподобляющая разумную тварь божественному прообразу. Именно здесь, на опыте доказывается и оправдывается дерзновенная мысль о теозисе, этом краеугольном камне всей восточной антропологии.

В заключение нам остается привести, как решающую инстанцию для христианского сознания, авторитет самой вселенской Церкви в живом историческом ее свидетельстве. Все многовековое «ублажение» ею сонма мучеников, этой изначальной категории святости, обвеяно дыханием горних высот и молитвенного благоговения. Мы уже констатировали единодушное признание Отцами **совершенной** духовной красоты сих «многоценных сосудов» благодати.

Ориген первый вскрыл тайную сущность этого вида христианского Эроса, применив неписанный закон пламенеющего во. Св. Духе сердца к свидетелям Христовой правды: «Мученики, возглашает он, возлюбили Бога **превыше всего** и тем первые исполнили величайшую заповедь». Ему вторит эхом Ефрем Сирин в своих гимнах: «Мученики, возлюбив Христа, предпочли Его всему». Но самое яркое символическое выражение торжествующего христианского Эроса дано другим сирийским поэтом, епископом Рабуллой Эдесским: «О вы человеческие гроздья божественной лозы Господней, вино ваше напоило Церковь! Да будет восхвален Христос, напоивший мучеников кровью своего ребра!» (Cf. Prière de l'Église, Hamman).

кая черта между двумя типами христианской иконографии — на Востоке и Западе, где мученики, как известно, несут орудия своих страстей.

⁵) Об этом см. том II, исчерпывающего предмет исследования проф. А. Грабаря *Martyrum, Iconographie* (из *La Geste des Martyrs, Hanozin*).

Строго ортодоксальный, но всегда лирический гений Православия, явивший миру неисчерпаемое сокровище религиозного творчества, дивно восхваляет в своих праздничных канонах «мученическое воинство» наших небесных заступников. Они здесь «в желанном краю являют воистину единое стадо ангелов и человек».

«В немощи естественной непобедимы, страстотерпцы, молитесь о совершающих святую память вашу» (навечерие 27-го декабря). Сперва приведем отрывки из стихир канона архидакону Стефану, этого «начатка» и верховника мученического Собора, как бы определившего всю духовную стихию христианского *martyrium*'а.

«Ни темница, ни теснота, ниже тьма, Отче, возмогоше в любви разлучити... яко Ангел воссиявши, лицом к радости зывающий от побивающих камнями». И еще:

«Вместо скорби — славу, вместо болезней — наслаждение, вместо тьмы — осияние тебе дарова, подвигоположник праведный...»

Эпиграфом ко всему прославлению мученического собора может служить этот призыв всей Церкви:

«Дух же Божественной любви неотсекаем имеете, мученицы».

С предельной ясностью вскрывается здесь глубочайшая интуиция Священного Писания и Предания, столь ярко отраженная в незабываемом слове апостола Павла: «Если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13). Иначе говоря, единственный критерий подвига вольного самопожертвования заключается в тайне истинного его вдохновения.

Недаром мучеников звали «агапетами»: их чистое радование о Господе — наглядное, неопровержимое доказательство и вместе живой плод действенной, всепокоряющей любви, а не медь «звенящая». Как замечательно сказал Феодорит Кирский, тонко оценивший и провидевший *philtrum* в агапе: «Те, которых никто не превзошел в агапе, никем не превзойдены и в благодати». Обе чашки весов стоят здесь на одном уровне: Богочеловеческом.

И вновь воскресает перед нами неумирающий нупциальный мотив евхаристической койнонии. Не может быть сомнения в том, что здесь налицо «стрелы разженные божественными углями Св. Духа», а посему эта духовная Любовь уничтожает жало смертного томления и приобщает мучеников к Царствию. «Страстотерпцы, блаженна земля напоившаяся кровью вашими, — Христа с дерзновением проповедуйте».

Весь климат почитания свидетелей Христовой Крови, испол-

нен невечернего света, ликования и райского блаженства. Свидетельство уже упомянутых нами твердодушных братьев Маккавеев приоткрывает врата героической эпопеи, которую наследники Христовой благодати изжили до конца. Все они светлой чередой проходят перед нами «плесней цветы взявши». Святая Церковь немолчно возносит хваления великим добровольным страстотерпцам и вместе с ними прославляет дарованную им благодать нетварной Любви, которая возносит их к Божеству. Вот последнее слово хвалы свидетелям:

«Уязвлены божественным Ти желанием, мученицы Твои, Господи, радовахуся, ибо их, рассекаемы мечами телеса, уже неподвластны смертному тлению».

Так вольное мученичество, превзойдя своими страстями земную скорбь и крестную страсть, таинственно соединяет со Христом, уже не распятым, а прославленным. После освобождения от чувственных восприятий человеческая природа торжествует свою первую победу: вступление в блаженное бесстрастие субботнего покоя:

Они вошли в покой единственный,
Они субботаствуют навек,
Достигнув силою таинственной
Того, что жаждет человек:
Христа присутствие, как зримое,
Его нетварную Любовь,
В ней сердце больше не томимое —
Грядущего зона новь.
Там не восторг, не упоение
Вином кровавой чаши мук —
Но естества преобразование,
Блаженства заверченный круг.
Там тишина благословенная,
Всем воздыханиям конец...
Открыта тайна сокровенная —
И Дух, и Сын, и Сам Отец.
О, благодатию зачатые,
Увенчаны небес венцом,
О нас, заступники-ходатаи,
Молитесь в славе пред Творцом!

М. Лот-Бородина.

НАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

III.

(Окончание)

Устроение Царства

Как только мы приступаем к этой теме, так; сейчас же, наше сознание раздирается двумя противоположными утверждениями: Царство Божие не от мира сего и, вместе с тем, оно уже в этом мире. Что означает эта двойственность? И какова таинственная связь между Царством, воплощающим себя в Церкви, и миром? Каково их взаимоотношение, никогда не могущее быть зафиксированным, но всегда динамичное и устремленное ко всеобщему преобразению?

Царство Божие не от мира сего

Слова и пример Христа подчеркивают противоположность Царства Божия миру. Искусителю, предлагавшему Христу «все царства мира и славу их», Господь отвечает: «Отойди от Меня, Сатана, ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Матф. 4: 8, 10). Христос удаляется от тех, кто хочет провозгласить Его царем и принимает лишь терновый венец, венчающий его перед Страстями... Эта противоположность Царства Божия миру является условием существования данной человеку свободы: «Если Он Царь Израилев, пусть сойдет со креста и мы уверуем в Него» (Матф. 15, 32). Не без воли Божией продолжает существовать этот грешный мир, ибо в нем должен осуществиться страшный закон любви. Христианин не должен ожидать ничего, кроме преследований, ибо «слуга не более господина своего» (Ио. 13, 16). Равнодушие, непонимание, релятивизм и организация земного счастья без Бога, — вот современные формы преследования, и они тем более действенны, чем менее проявляют ожесточения... За активным проявлением атеизма следует атеизм равнодушия; т. е. атеизм гностический, проникнутый некоей «духовностью», в котором растворяется даже гордость отказа. Мир машин и системы иогизма, земная техника и техника небесная, — вот, что стоит перед современным христианином и как одинок он и жалок со своим Богом, рожденным в Иудее во образе человеческом, Богом никому не нужным. Но среди словесного шума, исходящего от Маркса и Генона ¹⁾, хри-

1) Современный гностик.

стианин может услышать голос, говорящий ему: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить ради Меня» (Матф. 5, 11). Повторяем, противоположность, существующая между Царством Божиим и миром, обеспечивает возможность проявления свободы. Также и смерть и скорбь, и даже грех, чему-то таинственно служат. Ибо, с момента Страстей Христовых, бездна страдания человеческого таинственно претворяется в сокровищницу любви и смерть каждого мгновения может становиться смертью во Христе, т. е. воскресением. И «отдавать кесарево кесарю» тоже может стать средством послушания Господу, но, рядом с этим, и борьба со злом не должна быть исключена, если она мотивирована любовью. Христианин не может отвечать злом за зло, потому что употребление насилия есть лишь иная форма служения злу. Поэтому, если приказ кесаря противоречит заповеди Христа, христианин должен проявить непослушание, свидетельствовать об истине в духе христианской любви и затем отдать кесарю кесарево, т. е. свою жизнь. Ибо бунт и противодействие христианина имеет своим последствием мученичество, которое может быть ежедневным свидетельством и заключается в смиренном приятии всякого рода издевательств, насмешек, порицаний и неудач. В древнем мире примером может служить Антигона, но... Антигона, любящая своих врагов...

Антиномия Царства и мира не может разрешиться в истории, которая до конца останется борьбой, страшной борьбой, которую списывают символические видения Апокалипсиса; борьбой, умерщвляющей более душу, чем тело человека; борьбой, в которую вовлечены и ангелы и демоны, мир видимый и невидимые зоны; борьбой, основные перипетии которой от нас сокрыты, ибо они протекают в тайниках душ человеческих. Последние глубины истории развертываются в сердце самой Церкви, но не в «истории Церкви» ученых, а в подвигах святости. И трудно сказать, сколько раз вся судьба мира зависела от молитв какого-нибудь, никому неизвестного, святого...

Но здесь нужно сразу же постараться отстранить от себя два одинаково опасных соблазна: надежду на то, что Церковь обнимет собою мир и надежду, на то, что мировой прогресс осуществит собою Царство Божие на земле. Верить, что мир поглощен будет Церковью, — значит желать по-своему перевернуть тот «мир наизнанку», который заключен в «заповедях блаженства», значит скомпрометировать Церковь стремлением к власти и духом стяжания, значит игнорировать человеческую свободу, значит заставить Евангелие воздать хвалу палачу, как то делают «теократы

вместе с Жозефом де Местром»²⁾: «Все величие, все могущество, все подчинение опирается на исполнителя: он есть и ужас и связь человеческого общества. Уберите из мира этого непонятного агента и тотчас же порядок уступает место хаосу, троны рушатся и общество уничтожается. Бог, Творец абсолютной власти, есть и творец отщепенца». Так, из Бога делают высшего палача, бросающего в ад своих врагов...

Это поглощение мира Церковью было и может быть остается до сих пор большим соблазном Рима, узурпацией папой земной власти. А соблазном Православия в этой области была не столько жажда власти, сколько искание освящения государства. Святая Русь, не была ли она чем-то вроде христианского Тибета? В отношении к государству идеалом нашей Церкви, в течение всего того времени, когда в народе сохранялась общая вера, оставался принцип, так называемой, «симфонии», которая отнюдь не затушевывает того противоречия, которое существует между Церковью и государством, как это и явствует из примера мучеников, жертв императоров-иконоборцев или отношения св. митрополита Филиппа к Ивану Грозному...

Если Соловьев, увлекавшийся чтением Огюста Конта, мечтал о государстве, как организованной любви, о теократии, скрепленной союзом трех представителей человечества: папы, императора (русского) и пророка — вдохновенного философа — (повидимому самого Соловьева), то его последний труд, «Повесть об Антихристе», показывает крушение этой мечты. Судьба человечества, вместо воплощения идеи Добра, представляет из себя безнадежную трагедию, и тоталитарный порядок, организованный Антихристом, — этим «великим спиритуалистом», — оказывается конечной катастрофой для тех, кто поддался этому соблазну. А наступление Царства Божия осуществляется в чисто-религиозном плане, при трагическом завершении истории человечества...

Средневековая теократия затратила невероятные усилия для оцерковления мира, не давшие благоприятных результатов. Но худшими еще оказываются попытки современных христиан «морализировать» историю. Папские послания обо всем и ни о чем, бессодержательность общих мест христианских демократических программ, так называемая «христианская цивилизация» заокеанских стран; вечная иллюзия, что можно найти рецепты для того, чтобы все устроить и урегулировать, — все это ведет к опошлению того трагического положения, в котором находится христиан-

²⁾ J. de Maistre: «Soirées de Saint-Pétersbourg». — Premiers Entretiens.

ство, раздираемое между миром падшим и призванным к новому рождению. В результате усилий устроить все благополучно, приходят к христианству без креста. И насколько более глубокой, в этом отношении, является старая русская идея монархии, согласно которой царь должен приять мученический венец, — идея, предвосхищающая мысль Сен Жюста о том, что «нельзя управлять безнаказанно».

Если неоправданной является надежда на овладение миром Церковью, то не менее пустой нужно считать и ту, которая считает, что мировой прогресс осуществит на земле Царство Божие, воспринимаемое, в данном случае, как последнее звено в прогрессирующей цепи событий. Так Федоров, учитывая мифические построения современной науки и прогресс техники, старался осветить все это своей глубокой интуицией, требующей необходимости борьбы христианина со смертью и мечтая о том, что техника, магия и аскеза могут объединиться в задаче воскрешения предков для того, чтобы этим дать им возможность участвовать еще здесь, на земле, в том блаженстве, ради пришествия которого они положили свою жизнь. Более современный нам Теляр де Шарден³⁾, убежденный собственным мистическим опытом в святости материи и верящий в то, что сущностью христианства является объединение мира в Боге через Боговоплощение, видит осуществление своего видения в некоем природном процессе, который, в конечном итоге, этому видению противоречит, ибо делает Боговоплощение для этого почти ненужным. Опуская, как райское состояние человека, так и его грехопадение, он описывает историю мира, как некую грандиозную, все прогрессирующую эволюцию: сначала возрастание вещества в биологической жизни, этой последней к сознанию, и, наконец, индивидуума — к сверхличному единству, которое, в своей полноте, могло бы осуществить парусию, т. е. возможность второго пришествия Христа.

Но Евангелие ничего подобного не возвещает. Евангелие предвидит вырождение истории и все Священное Писание описывает падение человека, как некий ускоряющийся исторический процесс. Св. Отцы, в свою очередь, подчеркивают мысль, что мир, как организм тварный, подлечит закону умирания, в процессе изживания своих жизненных сил и старения. Христианин не верит в прогресс и в мифы о прогрессе, как не соответствующие, и даже противоречащие Евангелию и обмирщающие его пророческое ожидание. Христианин молится словами учения 12-ти Апостолов (Дидахи): «Да придет благодать и да преидет мир сей». Но, вместе

³⁾ Цит.: J. Onimus, Cahiers du Sud. N° 335.

с тем, христианин знает, что он должен усовершенствоваться, преобразить и увековечить вещество этого преходящего мира.

Царство Божие в мире для его преобразования

С момента Боговоплощения и Пятидесятницы, Царство Божие таинственно присутствует в мире: это есть Церковь, как таинство, как икона, Церковь — Евхаристия. Через Церковь (которая, в видении Пастыря Ермы, описывается, как некий женский образ, имеющий юный лик и седые волосы), Конец или Парусия, т. е. осуществленное присутствие Бога во всем, уже наступил и мир уже и судится и преобразуется. Таким образом, мы видим, что противоположение Царства Божия миру предполагает некую динамичность: их различие требует исхода, решения, и не в одном только историческом процессе, а в истории уже завершенной и исполненной вечностью.

Антиномия Царства Божия и мира разрешается в Парусии, но Парусия уже наличествует в таинствах Церкви, как присутствие Христа в тех, кто к этим таинствам прибегает. Поэтому, антиномия Царства Божия и мира должна разрешиться в каждом христианине, который, в меру подаваемой ему через продолжающуюся Пятидесятницу благодати, осознает присутствие Христова и лично воспринимает ту полноту, которая сообщается ему через таинство Тела и Крови Спасителя. Итак, с момента Боговоплощения и Пятидесятницы, мы уже живем в последние времена, мы завершаем цикл истории для вечности, мы участвуем в строительстве Царства Божия. Но этот труд по преобразению мира нельзя понимать как исторический процесс или как коллективное достижение: он эсхатологичен и находит смысл только в личности человека, т. е., в святости.

В настоящее время, устройство Царства Божия требует подвига святости явленной. Если человек хочет проводить свою жизнь в христианской целостности, он не должен бояться жизни, но должен быть для нее открытым; открытым всему страданию и ужасам, происходящим в мире, за которые христиане несут ответственность и на которые совесть их должна давать отклик, освещенный светом Христовой Правды. Только в мире концентрационных лагерей или в аду неоновых ламп больших городов, человек может до конца оценить обращенный на него с доверием взгляд или жест искренней нежности. Ведь роль истории не в автоматическом, коллективном восхождении к духовным высотам, а во все более глубоком и сознательном погружении в ад современной жизни, в напряженных поисках тех глубин, которые срывают с

человека все его частичные, односторонние, маленькие правды, сдирают с него все внешние покровы и приближают его все ближе к дилемме: безумие или святость. И пусть ужасное дыхание современных событий разбудит тех из христиан, которые удобно располагаются в церковных креслах, пусть сорвет оно с нас наши предвзятые точки зрения, наши истлевшие покровы для того, чтобы мы поняли, что подлинно реальным в мире является только смерть и любовь, для того, чтобы мы могли дать нашим отчаявшимся братьям обнаженного, страдавшего, и погребенного и воскресшего Бога Евангелия — «Любовь распинающую и распинаемую, Любовь торжествующую во Святой Троице⁴⁾».

При всем этом, мы, как христиане, должны, в нашей жизни, быть открыты всем исканиям и радости творчества, новым изобретениям и всей силе и красоте человеческой культуры. Вся реальность — от атома до небесных туманностей, вся красота — от рисунков доисторических гротов до творческих исканий современного абстрактного искусства, все искания свободы и справедливости для лучшего устройства мира, все использование материи, включая производство самолетов, позволяющее нам получать дружеский привет из отдаленнейших уголков земного шара, — все это должно пройти сквозь горнило нашей любви. И все то, чему наша любовь дает право на существование, должно быть собрано в корабль Церкви, которая одна только и сможет благополучно переплыть пучину благословенной окончательной катастрофы. Ибо так написано в Откровении о Новом Иерусалиме: «Цари земные принесут в него славу и честь свою» (Откр. 21, 24).

В Царствии Божием не будет уже нужды в иконах, так как святые сами будут там присутствовать и в человеке станет явным тот образ Божий, который здесь, на земле, дается нам в иконах. А то искусство, которое мы неправильно называем «профанным», откроет нам тайну своих высших устремлений, и все земные вещи, которые будут преображены творческими усилиями человека, возопиют ему свою благодарность. В науке ли, в технике, в искусстве, или в усилиях социального устройства жизни и организации нашей планеты, христианин повсюду должен являть свое присутствие и браться за сохранение уважения к человеческой личности и за преображение земли. Эта борьба, внешне, может казаться безнадежной, потому что она всегда частична и всегда должна начинаться с начала. А внутренне, в каждом человеке, который ведет ее при помощи невидимого оружия молитвы и любви, она

⁴⁾ Митр. Филарет Московский — *Philarète de Moscou — Oraisons Funèbres, homélies et discours*. Traduction Stourdza, p. 154.

уже приносит свои плоды вечности. В исторической перспективе христиане подобны Сизифу, но Сизифу одерживающему внутреннюю победу.

Нет непогрешимых методов для христианской политики или экономики, или для христианского искусства (включая даже поварского). Но может и должно иметь место личное участие христианина в политике, экономике, искусстве, включительно до кухни и участие это должно быть действенным и преображающим. «Стяжи внутренний мир и тысячи спасутся вокруг тебя», говорит преп. Серафим Саровский. Стяжи внутренний мир, и культура, красота, ум спасутся вокруг тебя. Соответственно нашему времени, надо пережить тот же духовный переворот, который произвели в России, в начале 19-го века, старцы, научив тысячи мирян Иисусовой молитве. Надо, чтобы имя Иисусово, повсюду призываемое, изгоняло демонские полки, побеждало природные стихии и придавало человеческой деятельности силу Христова благовестия.

Мир техники, например, есть, в какой-то мере, мир демонический: нисшие природные силы выявляют себя в сцеплении машинных колес, и механизированное время, в своем стремлении к бесконечно малым мгновениям, выходит за пределы человеческих ритмов, чтобы стать пародией небесных эонов... Но должны ли, вследствие этого, христиане пренебрегать машинами? Не являются ли именно они, единственными людьми, которые могут дать положительный смысл этим машинам, изгнав именем Иисусовым, гнездящихся в них бесов? Понимают ли также христиане, что сила, заключенная в литургии, понятой как БОГО-служение, может быть противопоставлена той науке и технике, которые разлагают бытие? Если частица материи может стать как бы таинством небытия, каково значение другой частицы той же материи, которая становится таинством полноты; и каково значение литургического действия, возвращающего материи ее целостность и единство?

Нужно ли здесь говорить о том, что наряду с традиционным монашеством, более чем когда-либо нужным, мы могли бы предположить иные типы христианского жертвенного служения: будь то молчаливое участие во всяком человеческом несчастье так называемых *Petits Frères du Père de Foucault*, или тот брачный подвиг, который венчает человека с земной стихией в смиренном и героическом труде над ней... Образ христианина представляется нам в подлинно царственном величии: он одновременно и монах, и воин на всех жизненных путях, и поэт, открытый всему, и от всего отрешенный, отказывающийся от всех благ мира, и вместе с тем, воспринимающий все его благоухание и красоту... Служение хри-

стианина в мире есть служение царское: христианин есть помазанник Духа Святого, предстатель за землю и возносящий за нее хвалу Создателю; он царь и священник, открытый всей земной реальности, чтобы вознести ее Богу, горящий любовью ко всей твари, по слову св. Исаака Сирина «и к людям и к птицам, четвероногим и демонам и ко всему творению»..

Но христианин есть царь царства невидимого. Поэтому он царь, принимающий на себя, в своем роде, юродство. Будучи царем мира, созданного Богом, он должен казаться безумным тому «миру», который является носителем наследственной и коллективной лжи, миру — игрищу демонских страстей. Будучи безумным для этого «мира» христианин смеется над самодовольством и тщеславием людей, принимающих себя слишком всерьез, держащих себя с важностью, желающих быть всегда правыми. Он смеется и над собой, над той «ролью», которую он мог бы играть в этом «мире». Он не принимает всерьез ни напускную торжественность клириков, ни тот «профетизм», который является вечным искушением мирян. Случается, что в посту христианин подносит царям сырое мясо⁵⁾, самодовольным праведникам бросает слова укора, и смиренно склоняется перед грешными. Христианин не считается с условностями света, ибо его назначение в мире — быть безумным, безумным во Христе.

Оливье Клеман.

ЗАВЕТ

В эпоху Царей, когда Еврейский народ уже стал организованной государственной единицей, идеалом для него оставалась жизнь сынов Израилевых в кочевом состоянии. Пророки живут воспоминанием о том времени «Когда Израиль был юн», когда Господь любил его, когда из Египта вызвал сына своего, юного Израиля (Осия 11, 1). «Узами человеческими влек Я их, узами любви, и был для них как бы поднимающий ярмо с челюстей их, и ласково подкладывал пищу им» (Ос. 11). Так в пустыне услышал Израиль голос Божий и осознал себя: «Я призвал Тебя в пустыне, в земле жаждущей» (Ос. 13, 5). Эта идеальная эпоха описана как время первой любви: «Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последова-

⁵⁾ См. Василий Блаженный перед Иваном Грозным.

ла за Мною в пустыню, в землю незасеянную. Израиль был святынею Господа, начатком плодов Его». (Иеремия 2, 2-3).

Строго осуждая современников, пророки напоминали о прошлом. Та же эпоха остается и предметом надежд для будущего: «А Я, Господь Бог твой от самой земли Египетской, опять поселю тебя в кущах, как во дни праздника» (Ос. 12, 9). *].

В эту идеальную эпоху, эпоху первой любви, и был по преданию заключен Завет Бога с Моисеем и народом Божиим.

«Я заключил Завет с отцами вашими, когда вывел их из земли Египетской, из дома рабства» (Иеремия 34, 13).

«Завет» есть перевод еврейского слова берит, которое означало союз, брачный союз, договор (alliance, Bund). Сам Бог является для заключения Завета. «Я приду к Тебе в густом облаке» (Исход 19, 9).

Это облако — облако Славы Божией, облако сопровождавшее Богоявление в Ветхом и Новом Завете; «облако наполнило дом Господень» (3 Царств. 8, 9-11 и 2 Паралипоменон 5, 10-14), когда при Соломоне Ковчег Завета, содержащий скрижали Завета, был впервые внесен в новопостроенный храм. Явление облака есть видимый знак реального присутствия и участия Божия. Весь народ собран у горы, но лишь один Моисей призван на гору:

«И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы и взшел Моисей» (Исход 19, 20).

Инициатива призыва принадлежит Богу. В свою очередь, Израиль осознавал себя народом Божиим, которого Бог освятил среди народов (отделил) в собственный удел, для особого царственно-священнического служения Себе.

«Моисей взшел к Богу на гору и воззвал к нему Господь с горы, говоря: так скажи дому Иаковлеву и возвести сынам Израилевым: вы видели, что я сделал Египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях, и принес вас к Себе. Итак, если вы будете слушаться гласа Моего, и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех на-

*) Кущи — палатки, в которых жили евреи в пустыне. Праздник Кущей — праздник воспоминания о пребывании в пустыне.

родов, ибо Моя вся земля; и вы будете у Меня царством священников и народом святым. Вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым» (Исход 19, 3-6).

Бог говорит Моисею, народ не остается пассивным, но отвечает:

«... и пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы; и отвечал весь народ в один голос, и сказали все, что сказал Господь, сделаем» (Исход 24, 3). И был поставлен жертвенник, и были закланы тельцы в мирную жертву Господу (Исх. 24, 4-5), и влил Моисей половину крови в чаши, а другой половиной окропил жертвенник» (24, 6).

И когда народ подтвердил еще раз свою верность Завету, «взял Моисей крови и окропил народ, говоря: Вот кровь Завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих» (Исход 24, 8).

Завет мыслился как Завет вечный, в перспективе будущего, и исполнением ряда заветов в прошлом: древнего Завета с праотцем, родоначальником Авраамом (Быт. 15 гл. и 17 гл.), которому были даны обещания о народе Божиим: «И Я произведу из тебя великий народ... и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12, 2-3).

В эпоху Царей таковым остался идеал отношений Бога с человеком, но не таковой была действительность. Книги Царств полны укоризны по адресу Царей и народа. Книги Пророков полны обличений, доходящих до воплей отчаяния. Книги Закона полны угроз по адресу неверных Завету, т. е., народу. Верным Завету остается Бог:

«... и буду тверд в Завете Моем с вами» (Левит 26, 9), и после дней отступничества, когда «признаются они в беззаконии своем» (Лев. 26, 40). «Я вспомню завет Мой с Иаковом, Исааком и Авраамом» (Лев. 26, 42). «Вспомню для них завет с предками, которых вывел Я из земли Египетской пред глазами народов, чтобы быть их Богом. Я Господь» (Лев. 26, 45).

Важно отметить также, что Бог заключает завет, и народ становится избранным **не по своим заслугам**. Не только в эпоху Царств, но и в пустыне народ не был верен:

«Посему знай, что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею; ибо ты народ жестоковыйный. Помни, не забудь, сколько ты раздражал Господа, Бога твоего в пустыне...» (Втор. 9, 6-7).

Бог дал «не потому, что вы были многочисленнее всех народов, но потому что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которою Он клялся отцам вашим» (Втор. 7, 7-8).

После эпохи Царей наступает переломная пора в истории Израиля: — плен. Но уже видна заря и новой после-пленной эпохи.

«Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды завет новый, не такой завет, какой я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иеремия 31, 31-33).

Несмотря на всю неверность Израиля до плена, Бог остается верным; Завет возобновляется и человек воспринимает его по-новому. Закон (*torah*) уже не написан на скрижалях, уничтоженных во время бедствий, но на сердцах. И этот новый завет заключен не по заслугам:

«Ибо любовью вечною возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволения. Я снова устрою тебя, и ты будешь устроена, дева Израилева...» (Лев. 31, 3-4).

«Горы сдвинутся и холмы поколеблются; а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется, говорит милующий тебя Господь» (Ис. 54, 10).

Слово *berith* означает, как мы видели, «союз». Когда говорится о Завете (*berith*) Бога с человеком, подразумевается живая связь обеих сторон. Конечно, роли не равнозначущие. Бог берет инициативу, остается верен своим обетам; человек же обещает, отступает, возвращается. Бог есть источник жизни для человека, человек приобщается к этой жизни в истории.

В эпоху плена в еврейском народе с особой силой развивается сознание мессианства, что побуждает его пересмотреть письмен-

ную и устную традицию и отнестись с особым вниманием к литургической жизни. После плена наступает греческий период, первоначально спокойный. Многие евреи живут вне Иудейского государства, среди иноземцев. Является нужда в переводе Писаний на греческий язык. Слово *berith* начинает употребляться в новом, неизвестном раньше смысле «завещания»: говорится о завете отцов, как о предании старины в целом. По-гречески слово *berith* передано уже понятием *diatheke*, что значит и «завещание» и «союз».

В течение последних двух веков перед Р. Х. государство переживает трудную эпоху. Но память о Ветхом Завете, заключенном в пустыне, сохраняется. Ессеи в своих монастырях (см. раскопки у Мертвого моря) именуют себя группой Нового Завета, поскольку они хотят обновить свою религиозную жизнь. Мессианские чаяния мыслятся, как осуществление Его обетов (см. Песнь Захарии, Лук. 1, 67). Верность и любовь Божия находят свое предельное выражение в ниспослании Сына для спасения людей. В устах Господних, слово Завет встречается лишь один раз, в установительных словах на Тайной Вечере:

«Эта чаша, новый завет в Моей Крови, за вас изливаемой» (Лк. 22, 20, см. 1 Кор. 11, 25; Мф. 26, 28 и Мр. 14, 24).

Слова Христа сказаны в Праздник Пасхи, который был Праздником Исхода Израиля из Египта, и прямо напоминают нам Синайский Завет и слова Моисея: «Вот кровь Завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих». Сходство между словами Христа и Моисея не случайное: об этом сказано в 9-ой главе Послания к Евреям. Завет Христа есть исполнение Моисеева завета. Ветхий Завет не совершенный, потому что человек не смог его осуществить, хотя Бог оставался верным своим обетам. Здесь сам Христос — «Ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное» (Евр. 9, 15), «Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телиц чрез окропление освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному (Евр. 9, 13-14). Ветхий Завет есть лишь образ того, что в Новом Завете становится реальностью. Тогда Завет заключался, повторялся, нарушался; теперь Новый Завет заключен Кровью Христа, и потому он единый, истинный, последний, окончательный, неповторимый. Христос, явившись на землю, оказался тем верным Израильянином в народе,

который от лица Израиля, и вместо Израиля, для спасения всех, явился ходатаем, посредником Нового Завета, который есть свершение ряда ветхих. Вся ветхозаветная история получает, таким образом, свое осуществление во Христе.

Но исполнение Ветхого Завета есть и его прехождение: Говоря «новый», Христос показал «ветхость» первого (Евр. 8, 13). Ветхий Завет предполагал исполнение закона, Новый избавляет нас от клятвы законной, ибо кровь Христа для того и пролита, чтобы человек не могущий своими силами оправдаться исполнением всех заповедей, мог получить жизнь во Христе. Во Христе — значит в Церкви, которая есть и Его тело, в которой Христос усыновляет нас Отцу; живя в Церкви мы входим в Новый Завет с Богом. Ветхозаветная Церковь была лишь образом будущего Завета. В Новой Церкви мы приобщаемся истинному телу и крови Христа и таинство Евхаристии не символ, а реальное наше участие в Завете Христа. Старый завет возобновлялся; в новом наше приобщение телу Христову есть уже приобщение к вечной Литургии в Новом Иерусалиме, преображенном, когда и вся тварь, ныне стелющаяся и ожидающая откровения сынов Божиих (Рим. 8, 19), будет преображена; когда Сын, покорив все Отцу, и Сам покорится покорившему все Ему, да будет Бог все во всем (1 Кор. 15, 28).

Н. Куломзин.

ЦЕРКОВЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(с ноября 1955 г. по ноябрь 1956 г.).

Епископат.

За истекший год произошли следующие изменения в составе епископов русской Церкви: четверо умерло, трое уволено на покой, двое (или даже трое) вернулись из ссылки, один из заграницы, наконец, было совершено семь хиротоний. В итоге: состав правящих епископов увеличился на три члена (всего в настоящее время епископов 67).

Среди почивших, следует в первую очередь отметить митр. Николая (Могилевского) — одного из старейших членов епископата, хиротонисованного еще в 1919 г. Инок Ниловой пустыни, будущий митрополит окончил Дух. Академию, занимал некоторое время Тульскую кафедру, затем долгое время пробыл в ссылке в Средней Азии и только в 1945 г. был снова призван к служению; управлял до самой смерти Алма — Атинской и Казахстанской епархией, которую он принял в состоянии полного упадка; покойный был близкий знакомый митр. Евлогия и архиеп. Сергия, б. Пражского; пользовался большой любовью у своей паствы и несомненно принадлежал к тем иерархам, которые предпочита-

ют служить на дальних и малозаметных кафедрах и тем самым иметь возможность держаться в стороне от шумливой и двусмысленной политической деятельности Моск. Патриархии¹).

К тому же типу иерархов принадлежал и глубокий старец митр. Новосибирской Варфоломей (Городцев), скончавшийся 1-го июня 1956 г. в возрасте 90 лет. Митр. Варфоломей — из белого духовенства — многие годы до Революции пастырствовал в Тифлисе, затем был сослан в Азербайджан, потом в Уфу, в 1935 г. получил приход в Московской области... Став епископом в 1942 г., он тут же был назначен управлять обширнейшей Новосибирской епархией, простирающейся от города Тюмена до Владивостока и от Енисейска на севере, до Тувимской автономной области на юге. Митр. Варфоломей написал несколько богословских трактатов, акафист св. ап. Варфоломею и службу св. Иоанну, митр. Тобольскому, принятую в церквях Сибирского края.

Несколько другую фигуру представлял собою, скончавшийся в апреле 1956 г. в возрасте 55 лет, архиеп. Одесский Никон (Петин). Бывший живоцерковник, он был хиротонисован в 1944 г. и пользовался большим доверием Патриарха, который давал ему «весьма ответственные поручения» в области внешних сношений с православными церквями. «Практический опыт, острый ум, трезвая оценка действительности, исключительная энергия и внутреннее беспокойство» — таковы были главные черты почившего иерарха.

В лице этих трех, каждого в своем роде, крупных иерархов, русская церковь потерпела тяжелую утрату. Отчасти эта утрата восполнена возвращением из ссылки двух виднейших епископов: архиеп. Мануила (Лемешевского), широко известного своею стойкостью и бесстрашием во время гонений и вновь арестованного на Чкаловской кафедре в 1948 г., и митр. Нестора (Анисимова), известного миссионера среди Камчадалов и первого самостоятельного епископа Камчатского и Петропавловского (с 1916 г.). После Революции, архиеп. Нестор находился в Маньчжурии и подчинялся Синоду Зарубежной Церкви. После оккупации Маньчжурии советскими войсками, он был назначен Патриаршим экзархом в Восточной Азии и возведен в сан митрополита, но вскоре в 1948 г. был арестован не то советскими, не то китайскими властями. Оба освобожденных иерарха провели в заточении целых семь лет. Архиеп. Мануил назначен на Чебоксарскую кафедру, а митр. Нестор на ответственную Новосибирскую кафедру.

Впервые в Ж. М. П. упоминается некий Венедикт, епископ Омский и Тюменский. Речь, вероятно, идет о еп. Венедикте (Пласкине), подавшем в отставку «по причине болезни» в 1949 г., когда он управлял Петропавловской епархией. Можно предполагать, что еп. Венедикт принадлежит к числу иерархов арестованных или низложенных во время Сталинского зажима 1948-1953 гг. и лишь недавно освобожденных в связи с новым курсом советской политики.

С другой стороны вызывает некоторое недоумение увольнение на покой еп. Архангельского Феодосия, недавно совершившего полугодовую поездку по своей суровой епархии²). Тот факт, что еп. Феодосий уволен просто журнальным постановлением Священного Синода и без обычной формулой «согласно прощению», заставляет думать, что он

удален по просьбе советских властей за слишком ревностное исполнение своих архипастырских обязанностей. В настоящее время еп. Феодосий пребывает в Одессе и достаточно здоров, чтобы участвовать регулярно в богослужениях³).

Возраст новопоставленных за этот год епископов сравнительно молодой — от 44 лет до 65, и богословский уровень их относительно высок: один, еп. Иоанн (Алексеев), бывший Таллинский протоиерей, окончил еще Петербургскую Духовную Академию; двое, еп. Леонтий (Бондарь) и Мстислав (Волонсевич) — Варшавский богословский факультет; двое, еп. Алексей (Коноплев) и еп. Сергей (Городцев) новейшую Московскую Духовную Академию; один, бывший униат — католическую семинарию и лишь один еп. Донат (Щеголев) не имеет специального богословского образования. Любопытно, что из семи новых ставленников, четыре до 1943 г. проживали вне пределов Сов. России, в Польше или Прибалтике. Один из них, еп. Великолукский Мстислав (Волонсевич), до самого недавнего времени (1953 г.) находился в эмиграции в юрисдикции Синодальной зарубежной церкви, и, вероятно, получил епископство за свой нашедший тогда переход из западного Берлина в восточный (также, как и в свое время архим. Алексей (Дехтерев), ныне еп. Виленский, перешедший еще в 1945 г. в Александрии из Зарубежной юрисдикции в Московскую).

Двое из новых епископов останавливают особо наше внимание: первый — еп. Сергей, своим происхождением, другой — еп. Донат, своей епископской речью, выявляющей глубокую личность.

Преосв. Сергей, еп. Старорусский (в миру Павел Алекс. Голубцев) родился в Сергиевом Посаде в 1906 г. в семье профессора Моск. Дух. Академии. Получив среднее образование, Павел Голубцев стал специалистом в области древнерусской живописи и работал в качестве реставратора до самой войны, в течение которой состоял на военной службе. После демобилизации поступил в Моск. Дух. семинарию, потом в Академию. Окончив ее в 1951 г. был оставлен при ней преподавателем церковной археологии, Ветхого Завета и еврейского языка. В 1950 г. был принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры. Жизненный путь еп. Сергия интересен тем, что он показывает несомненную связь, своего рода преемственность, между старой и новой Академией.

О личности еп. Доната мы узнаем не из его биографии (он стал иеромонахом в 1928 г. и до 1951 г., когда его назначили в Богоявленский Патриарший собор, нам о нем ничего не известно), а из его мужественной и искренней речи при наречении. Без всяких общих фраз, без трафаретов, в нескольких словах, еп. Донат посвящает нас в пройденный им трудный жизненный путь. Считаем небезынтересным привести здесь первую половину этой речи:

«Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил: буду пастырем Церкви; по-младенчески — мыслил: хорошо и приятно служить в алтаре; по-младенчески рассуждал: стоит одеться в ризы и все служение будет легким; и по-младенчески, придя домой из церкви, подражал священникам — то было моим любимым занятием. (См. 1 Кор. 13, 11).

Спокойно, беззаботно, в довольстве, под кровом родителей протекли мои детские годы. Учение в школе осваивал с трудом и признаюсь,

³) Наше предположение подкрепляется еще и тем фактом, что епископ Феодосий уже увольнялся на покой, что не помешало в 1953 г. назначить его на труднейшую и обширнейшую епархию.

¹) Некролог почившего помещен в № 10, 1956 г. Журнала Московской Патриархии (стр. 11-13).

²) См. «Вестник» № 40, стр. 39.

что особенного прилежания к учению не проявлял. Образованием похвалиться не могу, а если, что и читал в жизни, то без руководства, никто не проверял моих знаний.

Сорок лет прошло, как я покинул свою родину, г. Ригу. С переездом в Москву окончилось мое детство, а юности я и не заметил. Трудом я зарабатывал хлеб, в свое время нес обязанности по защите родины; не миновали меня и многие скорби: голод, болезни, неудачи, искушения и испытания. Но Господь хранил меня. Он сподобил меня быть пастырем Церкви. Школой для меня послужила жизнь. И теперь уже не по-младенчески могу сказать: «Благословен Бог, источник нашей жизни, наш Отец и Промыслитель, наша Надежда, наша Любовь, наша Вера, наша последняя Цель. И благ закон Его, которым научаемся, как жить по вере и как различить добро от зла»⁴⁾.

Церковный народ и церковная жизнь

От 8-го до 25-го августа Сов. Россию посетила делегация Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. В «Вестнике» этого Экзархата помещены интересные наблюдения, написанные от лица всей делегации. Приведем здесь несколько выдержек:

«...в воскресенье, 12-го августа, утром делегаты побывали в разных церквях. Днем они все соединились в церкви св. Николая, что на Кузнецком, чтобы ознакомиться с жизнью прихода после воскресной литургии. Все шесть священников прихода были заняты разными трудами; в одной части церкви стояло несколько открытых гробов и священник читал отпевание. Посередине церкви другой священник совершал бракосочетание. В другой части церкви крестили детей. Около ста человек родителей с младенцами и крестными толпились вокруг трех священников. Один читал молитвы об оглашенных, другой погружал в воду, третий совершал миропомазание. За ширмой священник крестил в глубокой купели взрослых...»

В понедельник делегаты посетили Троице-Сергиевскую Лавру: несмотря на будний день, на литургии в Успенском храме было около ста причастников. Вообще, большое количество причастников — один из самых ярких признаков возрождения церковной жизни в СССР. Делегатам показалось несколько преувеличенным место, занимаемое в церковной жизни акафистами — особенно в Киеве. ...Богословский уровень проповедей невысок. Большой частью проповеди сводятся к поздравлениям с праздником и добрым пожеланиям или к общим нравственным истинам... Библиотеки Академии бедны современными богословскими трудами. Это отзывается и на кандидатских сочинениях, которые написаны добросовестно, но по устаревшим учебникам и книгам. В них заметно также неумение выражать мысли философским или богословским языком...»⁵⁾.

Кое-какие сведения о церковной жизни в СССР проскальзывают и в сов. прессе. Так недавно «Ленинградская Правда» сетовала на то, что крестьяне «Ленинградской» области соблюдают 72 церковных праздника в году, и почти поголовно не выходят на работы⁶⁾.

В летописи церковной жизни в Ж. М. П., главным образом, приво-

4) Ж. М. П. № 7, 1956 г., стр. 22-23.

5) «Вестник» Экзархата М. П., № 25, 1957, стр. 22-28.

6) См. Tablet от 14 января 1956.

дятся сообщения об архипастырских трудах, о поездках архиереев по своим епархиям. «Как правило, все храмовые торжества, престольные праздники проходят в присутствии архипастырей». Архиерея всюду встречают толпы верующих (которых часто не вмещают даже просторные храмы), очень торжественно, устилая путь архиерея цветами или собственной одеждой, иногда стоя с возжженными свечами:

«7 июня 1956 г. еп. Псковский Иоанн совершал по случаю храмового праздника торжественное богослужение в кладбищенской церкви гор. Порхова. Народу собралось так много, что всеобщее бдение, начиная от литии и до конца, пришлось совершать в церковной ограде...» «Во время архиерейского богослужения в городе Вышний Волочек, собор, вмещающий до 5000 человек, был переполнен. (Ж. М. П., № 1, стр. 3); «архиепископа Чувашского Мануила, посетившего село Миренки, собрались встретить паломники — чуваша, мордвина, марийцы, русские — пришедшие, не взирая на дождь, из окрестных сел, расположенных за десятками километров» (Ж. М. П., № 9, стр. 13).

Из некролога митр. Николая Алма-Атинского мы узнаем, что за теснотой храмов, ему часто приходилось служить под открытым небом.

Имеются в Ж. М. П. и отрывочные сообщения о церковном строительстве:

«21 июля 1955 г. в городе Чермоза «Молотовской области» происходило освящение храма в честь Успения, перенесенного из затопленной зоны Камской ГЭС на возвышенное место»; «4 августа 1955 г. еп. «Куйбышевский» посетил вновь построенный молитвенный дом⁷⁾ в гор. Ставрополе»; «в октябре того же года еп. Уфимский освятил вновь построенный молитвенный дом на станции Раевке»; «16-го того-же месяца отстроен, частично разрушенный во время войны, храм в Воронежской области».

Снова стали печататься краткие сообщения о съездах благочинных; из них мы узнаем иногда о самых насущных нуждах Церкви: на съезде благочинных Полтавской епархии было решено просить Московскую Патриархию об ускорении издания богослужебных книг. Особо обсуждался вопрос о «кандидатах священства (sic!) и о необходимости повышения уровня богословских знаний духовенства епархии»⁸⁾.

Из отчета о шестом выпуске воспитанников Саратовской духовной семинарии мы узнаем, что «Церковь ощущает большую потребность в новых деятелях на ниве Божьей»⁹⁾.

Издательство Московской Патриархии выпустило в свет в 1955 г. «Краткий православный молитвослов» (144 стр.), а в 1956 г. «Новый Завет с приложением Псалтири» (544 стр. и три карты) и полную Библию с параллельными местами и указателем церковных чтений (127 стр. и 4 стр. карт и чертежей). Самый факт издания Священного Писания, впервые после тридцатилетнего перерыва, несомненно значителен: он имеет и свою пропагандную сторону, являясь ответом на обычный вопрос иностранных гостей: какая же в СССР свобода церковная, когда Священное Писание издать даже нельзя! Но его можно рассматривать и как некоторую символическую победу Церкви над советским государ-

7) Молитвенный дом — храм, выстроенный за счет Церкви и являющийся ее собственностью. Храм — церковное здание, переданное гражданскими властями Церкви на пользование.

8) Ж. М. П., № 11, 1956, стр. 11.

9) Ж. М. П., № 8, 1956, стр. 13.

ством, давшим наконец разрешение, в ограниченном числе экземпляров (25.000), напечатать Священное Писание в стране «победившего коммунизма»¹⁰⁾.

Н. С.

БИБЛИОГРАФИЯ

Cullmann Oscar, Dieu et César. (Le procès de Jésus, St-Paul et l'autorité, l'Apocalypse et l'Etat totalitaire). Neuchâtel et Paris, 1956, in 16, p. 120. Collection «Civilisation et Christianisme».

Автор известен уже рядом трудов по Новому Завету: *Le Christ et le temps*, 1947; *Les Sacrements dans l'Exemple Johannique*, 1951; *Saint Pierre, disciple — apôtre — martyr*, 1952; *La tradition*, 1953 и др.

Общая тема книги — отношение Христа и первохристианских писателей к Римской власти. Автор экзегет, новозаветник; тема о Христианском Государстве не затронута.

Основной общий тезис книги сводится к простой и не новой мысли, что первохристиане мирились с Римом, пока Рим не выявлял звериного лика, не требовал культа Кесаря и анафемы Христу.

Первая глава разбирает жизнь Самого Иисуса Христа и Его отношение к власти. Здесь Cullmann показывает себя тонким и интересным историком, подчеркивая, что Христос, живя и проповедуя среди народа, не мог не соприкоснуться с Зилотами (крайние националисты, желавшие восстановить Иудейское Царство, искавшие Мессию — Царя, Освободителя). Хороший и тонкий анализ Евангелий проливает новый свет на личность самих учеников, на многие отдельные евангельские тексты, на понимание мессианского служения Христа, трагичность Его положения, среди различных толков и групп Иудеев (Саддукеев, Фарисеев, Зилотов).

Дальше автор дает поучительный анализ знаменитой 13-ой главы Послания к Римлянам о повиновении властям. Но пытаясь сопоставить 13-ую главу послания к Римлянам с 13-ой главой Апокалипсиса, Cullmann как будто теряет из вида, что посл. к Римлянам написано до гонений.

Кроме того, автор защищает очень горячо тезис, что начальники века сего (1 Кор. 2, 8) и власти (Рим. 13, 1), суть не только земные власти, но и ангелы народов. Этот интересный вопрос еще ожидает своего исследователя.

Н. Куломзин.

Новые труды об Экуменическом Движении.

За последнее время вышло несколько ценных работ об Экуменическом Движении, и, что самое важное, вопрос этот вышел далеко за рамки протестантского мира и обсуждается во всех христианских исповеданиях.

Два капитальных труда посвященные этой проблеме, являются как-

¹⁰⁾ Экземпляры «Библии», изданной Моск. Патриархией, имеются в Парижских русских магазинах. Стоимость каждого экземпляра: 4.000 фр.!

бы исходным пунктом для всех дальнейших обсуждений: «История Экуменического Движения» (доктрина) каноника Тильса и большой коллективный труд (822 страницы): «История Экуменического Движения», изданный в Лондоне, в котором приняли участие прот. Г. Флоровский и Н. М. Зернов.

В самое последнее время вышли следующие работы: книга ген. Секретаря Всемирного Совета Церквей, Доктора Виссера-Туфта — «Обновление Церкви», перевод его доклада «О различных способах понимания единства Церкви и об единстве, которое стремится осуществить Совет Церквей», напечатанный в католическом сборнике «Истина»; работа о. Ле Гийу «Проблемы, диалектика и искушения Экуменического Движения», напечатанная также в сборнике Истина (№ 3 за 1956) и, наконец, «Мировой Совет Церквей, его цели и направление деятельности с точки зрения Русской Православной Церкви» — прот. Г. Граббе, который был официальным «наблюдателем» в Эванстоне, командированным Русским Зарубежным Архиерейским Синодом. (Сборник «Православный Путь» на 1956 год).

Если в первых двух капитальных трудах разбирается подробно вся история Экуменического Движения, а в первом даже история Протестантства вообще, то для нас особенно важны три последних документа, так как они освещают с трех точек зрения проблемы Экуменического Движения и подводят итоги всему до этого сказанному и написанному.

Прот. Г. Граббе критикует очень резко Экуменическое Движение, обвиняя его в двусмысленности и считает, что все в нем построено на компромиссе, на создании какой-то всецерковной организации, а главное, он осуждает Эк. Движение за его недостаточную непримиримость к коммунизму.

Большинство укоров, выставляемых Экуменическому Движению, находят свое опровержение в «Докладе» Д-ра Виссер-Туфта, который подчеркивает, что последнее не стремится создать сверх-церкви, а, наоборот, оставляет за отдельными членами участниками Эк. Движения полную свободу в отношении догматов и верований. Он подробно разбирает все неправильные мнения, приписываемые Экуменизму и точно цитирует все постановления отдельных Съездов.

Работа о. Ле Гийу разбирает проблему с католической точки зрения и приходит во многом к отрицательным выводам, но одновременно отмечает его положительные стороны. В заключение, о. Ле Гийу замечает, что в Экуменическом Движении было обращено внимание на учение трех «свойств» Церкви — единства, святости, соборности и почти ничего не было сказано о ее апостольстве. Поэтому важно было бы установить диалог между православными и протестантами на эту тему.

Последним, по времени выхода в свет, изданием, является иллюстрированная краткая история Экуменического Движения, изданная МИССИ, в Лионе, по случаю состоявшейся там Экуменической выставки. В краткой, но ясной форме, о. Морис Виллен дает историю Эк. Движения. Эта книга богато иллюстрирована и весьма недорога.

«Istina», 1956 (Boulogne, 25, Bd d'Auteuil).

Православный Путь, 1956.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.-Y.

«Missi», N° 1, 1957. *Le Mouvement oecuménique. Son histoire, insertion catholique.* 6, Rue d'Auvergne, Lyon (Rhône), 50 frs.

П. К.

«Ключ». Издание Юношеского Отдела Р.С.Х.Д., №№ 1-6, 1956-1957.

Одним из проявлений развившейся за последние годы деятельности Юношеского Отдела Р.С.Х.Д. во Франции является издание детского журнала «КЛЮЧ». Первые номера «КЛЮЧА» были неуклюжи и случайны, но, со временем, и внешнее оформление и подбор статей значительно улучшились. Из маленького журнальчика, небрежно напечатанного на ротаторе, «КЛЮЧ» быстро превратился в настоящий журнал, с красивой обложкой, и, можно надеяться, что в скором времени он будет печататься не самодельно, а типографским способом.

Издание детского журнала — величайшее искусство и потому понятно, что новорожденному «КЛЮЧУ» еще далеко до идеального детского журнала (да и возможен ли таковой, особенно в наших условиях зарубежом). Главный внутренний недостаток «КЛЮЧА» в том, что он носит слишком ярко выраженный дидактический характер. «КЛЮЧ» возник, чтобы дать русским детям «текущее» чтение на русском языке, и чтобы отвлечь их от чтения часто забавных, но пошловатых современных журнальчиков. Но в своем отталкивании от забавного и смешного, в своем желании непременно, при всяком удобном случае, чему-то научить детей, «КЛЮЧ» зашел, может быть, слишком далеко. Для детского журнала в нем недостаточно легкомыслия!

Хочется обратить внимание издателей «КЛЮЧА» на другую одно-сторонность журнала, в частности его передовиц. В передовицах детей призывают ездить в лагеря и посещать воскресные сборы Движения или других организаций. Эти призывы и законны и нужны. Но напрасно при этом высмеивается всякая возможность другого препровождения времени. Так, в 3-м номере «КЛЮЧА», выставляется, как нечто позорное, возможность для ребенка провести лето не в лагере, а с родной бабушкой! Стоит только вспомнить роль бабушек и нянь в истории русской культуры (Лермонтов, Пушкин, Муссоргский, Горький и т.д...), чтобы убедиться в не педагогичности этого высмеивания. Или в 6-ом, только что вышедшем номере, призыв ходить на сборы кончается неожиданным и несколько пугающим утверждением, что тот, кто не ходит на сборы, может быть никогда не станет «хорошим человеком». Уж не говоря о том, что в этом утверждении очень преувеличены педагогические возможности сборов, зачем так страшить детей? Есть дети, которые любят сидеть дома, вовсе не из праздности или слабости, а потому, что умеют занять себя игрой, чтением и т. д... Лагеря и сборы хороши и полезны, но не обязательно нужны всем детям, как это стараются внушить передовицы «КЛЮЧА».

Но пусть эти оговорки относительно чрезмерной дидактичности «КЛЮЧА» и односторонности его передовиц не смущают читателей. Таков, как он есть, «КЛЮЧ» хороший детский журнал. Рекомендуем родителям выписывать его для своих детей: «КЛЮЧ» не только побудит их читать по-русски, но, действительно, многому их научит, а в скором времени, надеемся, в равной мере их позабавит.

Кит Средиземный.

Еще о журнале «Ключ».

В современных детских журналах (и даже газетах!) наблюдается определенная тенденция заменить литературный рассказ изложением в картинках с очень краткой и часто небрежно выраженной фабулой. Для примера упомянем о недавно появившемся «пересказе» в картинках романа «Война и мир» Льва Толстого. Совершенно очевидно, что при этом

способе невозможно не уничтожить достоинства литературного произведения ни даже сохранить его содержание.

Порадуемся тому, что «Ключ» не поддавался искушению и не пошел по ложному пути. В «Ключе» юному читателю предлагаются для знакомства с родными героями и выдающимися людьми, литературные тексты, которые заставляют его сделать некое полезное усилие, чтобы овладеть данным материалом.

Что касается художественной стороны журнала, то приятно отметить в ней участие самих детей, но вместе с тем видно, что они еще не овладели всей техникой исполнения.

Пожелаем «Ключу» сохранить свой облик доступного детского журнала, сохранить чистоту русского языка и привлечь разнообразием своих статей широкий круг юных читателей.

З. К.

Х Р О Н И К А.

От Редакции.

В текущем 1957 году редакция «ВЕСТНИКА» ставит себе две новые задачи: освещать по мере возможности две области нашей жизни, о которых мы вообще мало знаем и мало говорим:

1) Православные люди разбросаны по всему миру; православные церкви живут разрозненно и почти без связи друг с другом. Свидетелем этого является духовный провинциализм, от которого мы все страдаем. Первым шагом к преодолению этой болезни является знание о том, как живут, что делают, на что надеются другие православные общины. Нужна православная переключка, нужен обмен православных голосов. Для того, чтобы осуществить это, необходимы письма и корреспонденции с мест, и Вестник обращается с просьбой сначала к своим подписчикам, а потом — ко всем, кому дорога православная жизнь, — сообщать в редакцию сведения о жизни, о новых начинаниях и проектах. На основании всех этих сведений Вестник надеется давать живую картину (вернее живые картины) того, что происходит в разных углах православного мира. Незаметное и кажущееся на первый взгляд незначительное событие, может поддержать веру и вдохновить изнемогающих братьев, поскольку они увидят, что в мире они не одиноки, что их надеждой горят люди часто отдаленные от них десятками тысяч верст...

2) Благодаря русской эмиграции, Православная Церковь вышла из периода замкнутого существования национальных церквей. Православие знают на Западе и интерес к нему неизменно возрастает. Главным местом встреч Православия с Западным христианством является Экуменическое Движение. Но наше участие в нем не организовано; мы более отвечаем на частные вопросы и просьбы, чем ведем систематическую работу. Однако, несмотря на всю случайность нашего участия в экуменической работе, делается очень много. И если собрать воедино сведения обо всем, что делается православными людьми в этой области, получится картина большого исторического значения. Не имея возможности говорить обо всем богатом прошлом, Вестник будет давать сводки того, что делается в этом отношении в данное время. Для того, чтобы осуществлять эту задачу с возможной полнотой, редакция просит всех участвующих в экуменической работе, сообщить ей и о том, что сделано и о том, что предполагается сделать, и о том, что предполагалось, и не сделано. Только, таким образом, — с помощью всех, кому дорога связь

Православия с Западным Христианством, сможем мы получить общую картину огромной работы, которая до сих пор совершенно ускользала от нашего внимания.

Редакция.

УЧАСТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ В ЭКУМЕНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Полный отчет о нашем участии в экуменической работе потребовал бы тщательного собирания сведений в течение всего года. Этого сделано не было, и, поэтому, теперь нам приходится довольствоваться ретроспективным обозрением сделанного. Оно, естественно, неполно и фрагментарно. Поэтому мы принесли свои извинения всем, о ком не упомянули или дали неточные сведения.

Данный краткий обзор охватывает работу лиц, связанных с Богословским Институтом и Р.С.Х.Д.

Епископ Кассиан.

В сентябре месяце Епископ Кассиан участвовал в собрании Общества ученых новозаветников (*Studiosum Novi Testamenti Societas*). Съезд, объединивший большое количество богословов всех исповеданий, имел место в Воудсхотене (дом Голландского Х.С.Д. около Утрехта). Владыка Кассиан сделал на этом съезде краткое сообщение о 21 главе Евангелия от Иоанна. Он был на этом съезде единственным представителем Православия.

Б. А. Бобринский.

Участие в англо-русском съезде в Вильметри, в скандинаво-православном съезде в Лунде, лекции в Дании, посещение монастыря Мариа-Лаах, участие в германском Кирхентаге, в Генеральном Комитете В.Х.С.Ф. и в съезде Содружества св. Албания и преп. Сергия в Бродстерсе.

4-5 июля в Вильметри (около Санлиса, Франция) состоялся православно-англикано-пресвитерианский съезд, устраиваемый ежегодно Британским и Русским С.Х.Д. Участвуют в этих съездах (в отличие от англо-православных съездов Содружества св. Албания и преп. Сергия) исключительно студенты-члены обоих Движений. С другой стороны съезды эти трех-частны: участие пресвитериан открывает дверь шотландцам, сохранение связи с которыми имеет большое значение; в былое время существовало даже особое шотландско-русское содружество Ап. Андрея, которое в настоящее время заглохло. Но интерес к Православию и верность русским друзьям в Шотландии живы, и подобные съезды являются единственной возможностью их выявления. Съезд в Вильметри имел своей темой Св. Предание. Б. А. Бобринский вел на нем семинар о православном понимании Предания.

Съезд в Лунде был организован Скандинавской ветвью Содружества Св. Албания и Преп. Сергия. Главными участниками его были шведы и датчане. Вторым партнером были англичане (небольшая, но очень энергичная делегация), третьим — православные (священник русской церкви Копенгагена о. Алексей Ципурдеев, Л. А. и В. А. Зандер, Б. А. Бобринский, Лондонский секретарь Содружества, Елле Георгиадис, Н. Долгова (из Стокгольма), несколько гостей из Лунда и Копенгагена. Съезд был чрезвычайно перегружен: все — и богослужения и доклады (на каждую тему) — утряивалось, соответственно участию трех исповеданий. Для нас на этом съезде стало ясным, что среди шведской лю-

теранской молодежи очень силен процесс в направлении западной католической традиции (отсюда участие англикан, которые, видимо стремятся стать руководящими), и что восточная традиция, хотя и приветствуется с точки зрения экуменического общения, остается, в общем, шведской лютеранской молодежи чуждой. Эта «победа Запада» не является, однако, неизбежной: доклад молодого шведского пастора Тунберга, прошедшего год в Париже, был ярким примером возможности усвоения шведом православного метода богословствования. Б. А. Бобринский прочитал на этом съезде доклад о Св. Отцах и единстве Церкви. На обратном пути он, по просьбе о. А. Ципурдеева, прочитал доклад в собрании Копенгагских прихожан, другой доклад — в обществе православных датчан, а затем с той же целью, — вместе с о. Алексеем — в страшную бурю — совершил на небольшом пароходике целоношное путешествие в Тистед (в Ютландии), где в старческом доме живут 40 русских беженцев.

Затем он посетил (4—8 авг.) знаменитый бенедиктинский монастырь Мариа-Лаах (на Рейне) и завязал связь с этим замечательным центром литургического движения Германии. А 8—11 авг. провел в Франкфурте, участвуя в «Кирхентаге». Это — новая массовая форма религиозной работы, собирающая ежегодно на несколько дней, — для религиозной манифестации, — несколько сот тысяч человек, как из Западной, так и из Восточной Германии. Председателем и руководителем этих «дней» является наш друг, Д-р Триглиф-Таден, — бывший председатель Германского С.Х.Д. Интересно, между прочим, отметить, что массовый характер работы не исключает индивидуального подхода к верующей душе. Кирхентаги сильно способствуют восстановлению индивидуальной исповеди. Религиозное их влияние очень велико: они являются, как бы смотром христианских сил, доказательством значения христианства в современном мире. Общей темой Кирхентага было Примирение с Богом, требующее примирения с ближними. Тема эта была чрезвычайно актуальна, ибо между Восточной и Западной зонами часто возникают глубокие несогласия и духовное их «примирение» является залогом единства немецкой нации.

За Кирхентагом последовало участие в Генер. Комитете В.Х.С.Ф. (об этом см. в отчете о работе К. А. Ельчанинова) и, наконец, участие в съезде Содружества Св. Албания и Преп. Сергия (в Бродстерсе около Кентерберри). Съезд был посвящен учению Церкви о Св. Троице. Б. А. прочитал на этом съезде два доклада.

П. Н. Евдокимов.

Лекции в Боссэ; участие в съезде в Граншан (25-27 мая), в собрании Комитета В.С.С. в Херренальбе, в курсах для экуменических работников (в Вильметри и в Севре); лекции в Эльзасе; экуменическое сотрудничество с католиками.

Боссэ — Экуменический Институт Всемирного Совета Церквей. В течение лета там имеют место разнообразные съезды и краткосрочные курсы; зимой — сессии высших экуменических курсов (для окончивших университетское образование богословов). П. Н. Евдокимов является членом Комитета, управляющего работой Боссэ и периодически читает там лекции: о православной иконе, о православном богослужении и о православном богословии.

Граншан — женская реформатская монашеская община. В этом своеобразном монастыре постоянно устраиваются различные съезды и совещания. В мае прошлого года там состоялся второй съезд по вопро-

сам женского церковно-служения. Последнее надо, однако, понимать очень широко: речь, собственно, идет о положении женщины в церкви и в мире — о положении — матери, супруги, сестры, диакониссы, монахини. Первый подобный съезд состоялся в 1950 году. Православие было представлено на нем значительной группой, во главе которой стоял о. Герман Баргнев. П. Н. Евдокимов и Л. А. Зандер вместе с В. А. Зандер были главными докладчиками. В 1956 г. состав съезда был несколько изменен: в нем участвовали представительницы монастырей (в том числе римо-католических), общин, орденов диаконисс. Православными представителями были: о. Валентин Бакст, мать Евдокия, В. А. Зандер; П. Н. работает совместно с французским Комитетом помощи беженцам

В июле П. Н. Евдокимов участвовал — в качестве члена Комитета Боссэ — в работах Комитета В.С.С. в Херренальбе (в Шварцвальде). П. Н. Евдокимов и Л. А. Зандер были докладчиками. «Симад» (на самом деле работа этого Комитета далеко выходит за пределы помощи беженцам и распространяется на все области религиозного служения). Одним из важных начинаний являются ежегодные курсы для экуменических работников, которыми в значительной степени руководит П. Н. Евдокимов. В истекшем году курсы имели место дважды: летом в Севре и осенью — в Вильметри. Основной темой летних курсов было Предание (время и пространство, как факторы единства и разделения Церкви). Православным докладчиком был архимандрит Лев Жилле. П. Н. Евдокимов активно участвовал на обоих курсах.

К этой же работе примыкают экуменические зимние собрания, организуемые Симад. Об этих собраниях, объединяющих вокруг одной общей темы трех ораторов (православного, римо-католического и протестантского), можно сказать, что они являются самыми значительными и зрелыми экуменическими собраниями Парижа. В течение зимы бывает обычно четыре собрания. П. Н. принимает руководящее участие в их организации и ведении. Ему в этой работе помогает Л. А. Зандер.

В течение недели молитвы о единстве Церкви (15-28 января) П. Н. Евдокимов, по приглашению некоторых лютеранских приходов Эльзаса, читал лекции о Православии.

Большое значение имеет постоянное сотрудничество П. Н. Евдокимова с бенедиктинскими монастырями Марэтсу, Шевтонь (в Бельгии) и с доминиканским монастырем Сошуар (около Парижа). Периодические приглашения для участия в съездах и совещаниях, лекции и доклады и живая связь — таковы формы этого сотрудничества, которое тем более важно, что экуменическая работа католиков носит строго неофициальный характер и встречается с немалыми затруднениями.

К. А. Ельчанинов.

Участие в Генеральном Комитете Всемирной Христианской Студенческой Федерации (12-24 июля), в Тутцинге (в Баварии, на берегу Штарнбергского озера).

О В.Х.С.Ф. в «Вестнике» писалось неоднократно. Это бесспорно одна из самых живых и духовно сильных религиозных организаций Запада. Наше Движение входит в ее состав в качестве члена корреспондента. Собрания Генерального Комитета (объединяющего около 80 человек) не являются только организационными и деловыми; большое внимание оказывается идеологии, религиозным проблемам, совместной выработке будущих путей работы. Наше участие в работах комитета является поэтому чрезвычайно ответственным. По существу мы являемся голосом Православия пред лицом протестантского мира, представленного

его студенческой молодежью. Ответственность эта усиливается тем, что наш голос — едва ли не единственный, почти затерянный среди подавляющего протестантского большинства. Поэтому наша работа очень трудна: с одной стороны мы должны твердо и ясно свидетельствовать о православном понимании обсуждаемых проблем; с другой стороны мы не можем претендовать, чтобы убежденные протестанты мыслили по православному... Огромное значение в работах комитета имеют личные встречи... За последнее время в работах Федерации преобладают мотивы «практического христианства»: центр внимания занимают проблемы социальной справедливости и распространение миссии среди студенчества. Проблемы догматики, экклесиологии, литургики, — столь живые в нашей среде — отодвинуты на второй, если не на третий план. И хотя мы часто являем собой «голос вопиющего в пустыне», руководители Федерации сознательно убеждали нас не поддаваться «комплексу меньшинства» и продолжать наш подвиг, ибо — говорили они — нам необходим собеседник, будящий нашу мысль, без этого нам грозит «бездумность» практицизма и вырождение религиозного сознания.

В Тутцинге, К. А. Ельчанинов и Б. А. Бобринский были единственными представителями Православия, так как греческие и финские делегаты отсутствовали.

Л. А. Зандер.

Участие в съезде в Граншан (см. об этом в отчете о работе П. Н. Евдокимова); лекционная поездка по Германии; участие в съезде в Лунде; участие в экуменическом паломничестве в Рим; участие в съезде реформатских пасторов юга Франции в Помейроль.

С точки зрения интереса к Православию, Германия безусловно занимает первое место. Однако, интерес этот, — в различных группах немечкой общественности и молодежи, — носит различный характер. 1) Желание расширить свои знания о Православии, побуждает немецких богословов устраивать (в университетах) академические лекции о Православии. Этому интересу отвечали лекции Л. А. Зандера в университетах Хейдельберга и Марбурга (Единство и Кафоличность Церкви), Мюнхена и Эрлангена (От марксизма к священству — жизненный путь о. Сергия Булгакова). 2) Среди некоторых кругов немецких богословов и молодежи происходит глубокий процесс, который можно охарактеризовать, как очерковление или рекафолизирование лютеранства: возникает новое монашество, растет и развивается сакраментальная и богослужебная жизнь (частое причащение, восстановление исповеди), восстанавливается почитание Богоматери, икон. Л. А. Зандер прочитал ряд докладов на темы, близкие этим друзьям Православия: в центре Имсхаузен (об иконах Троицы и Преображения), в кружке братства св. Михаила в Марбурге (св. Писание и богослужение) и в Мариинском сестричестве в Дармштадте. 3) К третьей категории лекций относятся те, которые отвечали обще-экуменическому интересу сближения и взаимопонимания Православия и Лютеранства. Эти лекции имели место в различных *Arbeitsgemeinschaften* (кружках и обществах), в Вюрцбурге (Восток и Запад в религиозном понимании), в Ансбахе (Достоевский, как религиозный мыслитель), в Штутгарте (Восток и Запад... и об о. Сергии Булгакове), в Марбурге (доклад на студенческом съезде, тема — Христианская надежда).

К этим лекциям надо прибавить посещение ряда лиц, связанных с экуменической работой (главы Братства св. Михаила, пастора Э. Шмидта в Гамбурге, известного деятеля в области православно-лютеранского

сближения, паст. Х. Хейера в Шлезвиге, проф. Л. Мюллера в Киле), и разработка, совместно с ними, планов будущего.

На съезде в Лунде (см. о нем в отчете о работе Б. А. Бобринского), Л. А. Зандер прочитал два доклада: Единство Церкви и почитание Богородицы и Единство Церкви в почитании святых, и на обратном пути из Лунда, в Копенгагене — в частном кружке датских богословов: о Православной Церкви.

Экуменические паломничества в Рим представляют собой интересную попытку соединения идеи паломничества с проблемами сближения Церквей. Устраиваются они ежегодно — по почину и по плану нашего американского друга, Варвары Симонс. Паломничество продолжается неделю или 10 дней, причем каждый день посвящен посещению памятников христианской истории в хронологическом порядке. Паломничество 1956 г. было немногочисленным; но результатом совместной молитвы, посещения святых мест и общих бесед было подлинное сближение паломников (римо-католиков, англикан, православных) в одну семью. Особенно сильное впечатление произвело посещение небольших монастырей (Санта-Коломба и Греччио), основанных св. Франциском Ассизским во время его странствований по Умбрии: дух святого в этих бедных монастырях чувствуется сильнее, чем даже в Ассизи. На обратном пути — в центре Помейроль (небольшая реформатская монашеская женская община около Тараскона), на съезде реформатских пасторов юга Франции (около 50 чл.), Л. А. Зандер прочитал доклад о Единстве и Кафоличности Церкви.

о. А. Князев.

Участие в съезде в Вильметри: 27-29 июля; участие в съезде православных американских авиаторов в Берхтесгадене.

О съезде в Вильметри было сказано выше в отчете о работе Б. А. Бобринского. О. А. Князев прочитал на этом съезде доклад «Церковь и История». В Берхтесгадене (в Баварии) о. Алексей выступил перед новой для нас аудиторией американских военных летчиков. Он прочитал им три доклада на общую тему «Миряне и Церковь».

И. Ф. Мейендорф.

Участие в совещании юношеского отдела Всемирного Совета Церквей (в Арнольдсхайне, в Таунусе, в Германии), в отделе богословских изысканий В. С. Ц. и в собрании Комитета Юношеского Отдела В. С. Ц. в Херренальбе (в Шварцвальде); поездка в Грецию на съезд Синдесмоса. Всемирный Совет Церквей был задуман и осуществлен как орган, объединяющий все течения и организации экуменического Движения. Соответственно этому, предполагавшийся «Юношеский Отдел» должен был объединить международные организации молодежи (ИМКУ, ИВКУ, В. Х. С. Ф. и др.). Однако, все эти организации не захотели потерять своей самостоятельности и Юношеский Отдел В. С. Ц. оказался новой организацией, существующей и работающей рядом со старыми. Он отличается от них тем, что является органом объединенных в Совете официальных Церквей, тогда как все остальные организации имеют автономность существования. Особой заслугой Юношеского Отдела является организация экуменических рабочих лагерей молодежи. Лагери эти разбросаны по всему миру, привлекают большое количество молодежи, дают возможность проявляться юношеской жертвенности, сближают участвующую в них молодежь общей молитвой, работой и совместной жизнью. И. Ф. Мейендорф, являющийся Председателем

Юношеского Отдела В. С. Ц. участвовал: 1) в специальном совещании об организации этих лагерей; 2) в заседаниях Юношеского Отдела, сопровождавших годовую сессию В. С. Ц. Последняя дала ему возможность встретиться со всеми главными деятелями Экуменического Движения. Кроме того, в июле, он принял участие в собрании отдела богословских изысканий В. С. Ц., который занимался изучением темы: Христос — Господь Церкви и Мира.

Поездка на съезд Синдесмоса (Председателем которого И. Ф. М. состоит) принадлежит не экуменической, а международной православной работе. Отчет о ней читатели найдут в № 42 «Вестника».

П. Е. Ковалевский.

Лекции о Православии, участие в различных экуменических встречах, участие в съезде «Amitiés», в Помейроль.

В течение многих лет П. Е. Ковалевский участвует в экуменической работе, главным образом, во Франции, читая лекции о Православии, участвуя в различных экуменических встречах, сотрудничая в различных периодических изданиях. В 1956 г. он принял участие в различных собраниях во время «недели единства», совершил лекционные поездки в Марсель и в Шевтонь (а в январе 1957 г. — в Лион, в Сен-Дие и в Льеж) и регулярно, каждый месяц, читал лекции о Православии (на французском языке) в Кафедральном Соборе в Париже. Особое значение имеет его участие в «Amitiés», — это экуменическая организация французских педагогов (гл. обр. преподавателей лицеев). Характерной ее чертой, выделяющей ее из других экуменических организаций, является деятельное участие католиков, которых в «Amitiés» больше, чем протестантов. С течением времени в ней выработалась подлинная экуменическая атмосфера не только взаимной терпимости и благожелательности, но действительного братства во Христе. Эта организация — скромная и невидная, но очень значительная: она имеет свои отделы почти во всех интеллектуальных центрах Франции. И вот, в этом братстве, глубоко проникающем в жизнь страны, в которой мы живем, П. Е. Ковалевский является единственным представителем Православия. А так как он работает в «Amitiés», с самого начала и является другом нашего общего друга — председателя «Amitiés», — Авеля Альфонсовича Мироглио, то его участие в организации имеет для нее большое значение и без П. Е. «Amitiés» не могло бы вести подлинно экуменической работы и должно было бы ограничиться католическо-протестантскими встречами. Но, как видно, участие, даже одного православного, играет роль катализатора, придавая работе характер подлинного экуменизма.

О. Илья Мелия.

Участие в ряде экуменических собраний, гл. образом, в связи с неделей молитвы о единстве Церкви.

В Севре, в собрании, организованном Христианским Движением Мира, о. И. Мелия выступал совместно с отцом Донкер и пастором Боск. Темой их докладов был текст из творений Пеги. О. И. Мелия говорил о тоске Пеги по целостному мировоззрению и о его жестоком бичевании современного христианского сознания.

В протестантском приходе г. Таверни, о. И. Мелия прочитал доклад о Православии.

Кроме того, он несколько раз в связи с неделей молитвы (1957 г.) выступал в различных собраниях.

А. П. Ергина.

Экуменическая работа при церкви С.-Женевьев-де-Буа.

Кладбищенский храм в Сент-Женевьев-де-Буа (близ Парижа) стал силой вещей, центром экуменической работы. Кусочек Святой Руси — храм, выдержанный в Псковско-Новгородском стиле, кладбище с многочисленными памятниками, цветущий сад вокруг храма, все это среди типичного французского пейзажа — привлекает к себе множество посетителей. Среди них — и богомольцы, и туристы, и просто любопытные. Но поток их не прекращается, и каждое воскресенье, матушка А. П. Ергина проводит в церкви целый день для того, чтобы давать объяснения посетителям. Так, группа французских скаутов, войдя в храм, начала свое посещение чтением ряда молитв и только после этого попросила разрешение осмотреть все достопримечательности. Очень разнообразными являются вопросы католических священников и семинаристов, посещающих храм целыми группами... Если бы кто-нибудь из интересующихся этой работой мог хоть раз или два в месяц приезжать в С.-Женевьев для такого «экуменического дежурства» в церкви, в помощь настоятелю храма, прот. А. Ергину и его супруге, несущим на себе этот труд бесценно — это было бы важным и полезным делом.

Л. Зандер.

КОНЧИНА ЕКАТЕРИНЫ РЕБИНДЕР.

Известие о смерти Кати Ребиндер, старшей дочери свящ. А. Ребиндера (Биарриц), неожиданно скончавшейся через неделю после легкой операции, глубоко поразило всех знавших ее. Катя Ребиндер в прошлом году была в лагере Р.С.Х.Д. в качестве руководительницы и мы все помним ее исключительную жизнерадостность, доброту, спокойствие, помним ее прекрасный голос и музыкальную одаренность, которые способствовали красоте нашего церковного лагерного хора, а также и пению на кострах.

Катя Ребиндер после трудного конкурса, который она блестяще выдержала, поступила в высшую Севрскую школу в Париже. За время ее пребывания в Париже, мы близко с ней познакомились, полюбили ее; светлый образ Кати каждый из нас будет хранить в своей памяти.

СЪЕЗД ЮНОШЕСКОГО ОТДЕЛА Р.С.Х.Д. 16-17 марта 1957 г.

На только что состоявшемся первом съезде Юношеского Отдела приняло участие 65 человек молодежи от 14 до 19 лет. Не все участники были члены Дружины. 25 человек приехало из Интерната Св. Георгия, Св. Ольги и Детского Дома в Монжероне. На съезде были прочитаны три доклада: 1-ый «Окружающая нас среда и ее влияние на нас», К. Ельчаниновым, 2-ой доклад был прочитан по-французски: «Les problèmes religieux, moraux et sociaux que pose la vie du lycéen à la jeunesse russe orthodoxe», читал О. Clément и 3-ий доклад «Творческие силы молодежи», читал прот. В. Зеньковский. Вся молодежь слушала с удивительным вниманием. Она была не только заинтересована поднятыми темами, но и глубоко затронута ими. Об этом свидетельствовали очень оживленные обсуждения в группах и вне их. Руководителями групп были молодые руководители Дружины.

В субботу вечером была отслужена всенощная, а в воскресенье утром, ранняя литургия, на которой многие участники съезда причаща-

лись. Интересно, что когда певчих попросили сгруппироваться, все двинулись в хор и пела фактически вся церковь. Общая атмосфера съезда была очень живой; все друг с другом быстро познакомились и вряд ли кто-нибудь чувствовал себя одиноким. Этому способствовал отчасти «костер» с пением и играми, затянувшийся до 12 часов ночи.

На съезде возникла идея издания журнала для лицейцев старших классов. Тут же на месте выбрали членов редакционной комиссии, в которую вошло 12 человек. Первый номер нового журнала будет посвящен темам съезда и отчету о самом съезде.

Нам кажется, что нет надобности защищать идею такого рода съездов, настолько самоочевидна их необходимость. В этом возрасте (14—19 лет) обычно начинает у юноши складываться его мировоззрение, он начинает самостоятельно думать; создаются планы на будущую жизнь, рождается чувство дружбы, любви. Помочь молодежи выйти победительницей из всевозможных искушений и направить ее по правильному пути есть наша задача. Мы на опыте этого съезда еще раз убедились в **особенной** важности работы с юношеством. К.

СЪЕЗД ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ.

16 и 19 февраля, в Париже, состоялся съезд ответственных работников Р.С.Х.Д. На съезде были прочитаны следующие доклады: «Пути Движения в наше время», — прот. В. Зеньковский, «Работа Р.С.Х.Д. с молодежью» — И. В. Морозов; «Работа Движения с детьми и юношеством» — К. А. Ельчанинов; «Участие Р.С.Х.Д. в экуменической работе» — К. А. Ельчанинов. На съезде, главным образом, обсуждались методы работы Движения с современной молодежью.

ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ «К Л Ю Ч».

Издание Юношеского Отдела Р.С.Х.Д.

Выходит 3 раза в год. Цена номера: 50 фр.

Подписная плата на год — 150 фр.; с целью поддержки — 300 фр. Просим всех, желающих получить «КЛЮЧ» в 1957 г., прислать подписную плату на текущий счет Р.С.Х.Д.:

C.C.P. Paris 2441.04, Action Chrétienne des Etudiants Russes.
91, rue Olivier de Serres — Paris-15e.

Распространяйте детский журнал «Ключ» среди ваших друзей, у которых есть дети.

Адрес: Редакции: «La Clef», 91, rue Olivier de Serres, Paris (15e).
Тираж 6-го номера — 500 экз. 7-ой № «Ключа» выйдет в июне 1957 г.

ВЕСЕННИЙ СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ

11-го и 12-го мая (суббота и воскресенье), состоится в Бьевре La Roche-Dieu, 4, route de Vauboyen, Bièvres (Seine et Oise) годовой съезд Движения. Программа съезда: 11 мая, утром прот. А. Князев прочтет доклад на тему: «Чем обладает христианин»; в субботу после обеда **Abbé Pierre** сделает сообщение на тему: «Почему рабочие массы остаются вне христианства».

12 мая, утром состоится два доклада на тему: «О религиозном возрождении конца XIX и начала XX в. во Франции и в России» — читают О. Clément и Л. А. Зандер; в воскресенье, после обеда прот. Василий Зеньковский прочтет доклад на тему: «Правда Церкви».

Запись на съезд у секретаря Р.С.Х.Д., И. В. Морозова, на 91, rue Olivier de Serres, Paris (15e), France.

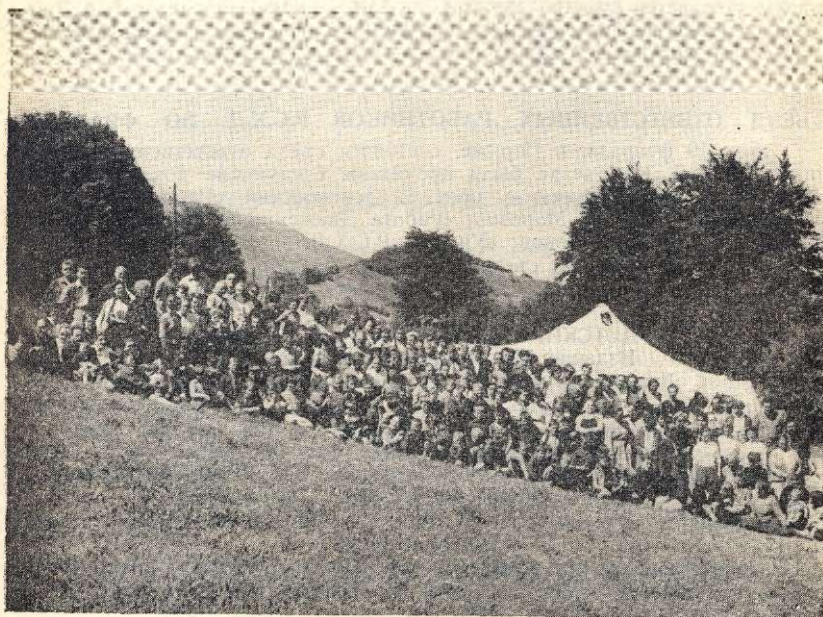
РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

у с т р а и в а е т

с 15 июля по 1 сентября 1957 г.

Летний лагерь в Альпах

ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ.

Общая группа участников лагеря в 1956 г.

Адрес лагеря:

Saint Theoffrey par Laffrey (Isère), France.

Лагерь расположен в 30 км. от Гренобля, вблизи озер, в здоровой местности, на высоте 1.000 метров.

Справки и запись: у К. А. Ельчанинова и И. В. Морозова, на
91, rue Olivier de Serres, Paris-15e, France.